

Ведьма из прошлого

Автор:

Софья Эл

Ведьма из прошлого

Софья Эл

Марк Соколов – обычный хирург в самой простой подмосковной больнице. В свои тридцать он вполне доволен жизнью. Стабильная работа, хоть и не самая высокооплачиваемая, здоровые и счастливые родители, квартира в центре маленького города. Но однажды его порог переступает бывшая пациентка, которая двигает предметы силой мысли и рассказывает ему о жизни в пятнадцатом веке. Нет, Марк бы выгнал ее не задумываясь. Если бы не одно "но". У девушки всего тридцать дней, чтобы найти своего убийцу и уничтожить. В противном случае она умрет. Давал он клятву Гиппократу или где?

Софья Эл

Ведьма из прошлого

Часть 1. Рассказ Анны

1

Она дрожала. Обняв колени и прижавшись к ним подбородком, Анна смотрела словно сквозь меня, раскачиваясь взад-вперед. Поджав босые пальцы на ногах,

она крепко вцепилась в предплечья, отчего на ее белой коже, не прикрытой футболкой, выступили красные следы. С вымокших под дождем светлых волос воды каплями падала на пол перед ней, но Анна не замечала. Я с трудом вспомнил ее имя. Мы виделись лишь перед операцией и пару раз после, но сегодня ночью, когда Анна появилась на пороге моей квартиры, я не успел удивиться. Она переступила порог и захлопнула дверь, защелкнув на все замки, словно не один раз бывала здесь. Ну или будто кто-то гнался за ней. Кашлянув, я шагнул вперед, протягивая стакан воды.

- Выпей, полегчает, - бросил я, усаживаясь напротив.

Анна подхватила стакан и поднесла его к губам трясущейся рукой. Вода выплескивалась, стекая по краям стакана и ее подбородку на пол, местами оседая на темных джинсах. Зубы Анны стучали по стеклу, но она этого не замечала, жадно глотая. Расширенные зрачки, полопавшиеся в глазах сосуды и бледная кожа лица не оставляли сомнений - что-то испугало ее настолько, что она рванула, видимо, к единственному знакомому поблизости.

Поставив стакан на стол и отодвинув его подальше, чтобы не зацепить, Анна выпрямилась, медленно выдыхая. Расправив тонкие плечи, она было открыла рот, но захлопнула, отводя взгляд.

- Рассказывай, - откинувшись на спинку стула, я нашарил в кармане пачку сигарет, вытаскивая одну.

Анна повела плечом и поморщилась, закусив нижнюю губу. Мельком посмотрев на меня, она огляделась, словно пыталась найти повод уйти от разговора. Я промолчал, щелкнув зажигалкой. В конце концов, я же не зверь - допрашивать девушку, прибежавшую ко мне, словно ее пытались убить. Посмотрев на часы, я вздохнул, растирая лоб. Завтра рано на смену, а игра в молчанку рисковала затянуться.

- А у тебя нет чего покрепче? - откашлялась Анна, виновато потупив взгляд. - Прости, я сейчас уйду.

- Сиди уже, - вздохнул я, поднявшись со стула, - виски пьешь?

Анна отрицательно покачала головой, но, остановившись, кивнула.

- Да, - зажмурившись, она кивнула снова, - думаю, да.

Распахнув скрипнувшую дверцу давно требующего замены шкафчика, я достал начатую бутылку и два стакана. Стряхнув с сигареты пепел в раковину, разлил виски, чуть запоздало сообразив, что стоило бы для нее его разбавить. Но Анна, не дожидаясь, когда я поднесу стакан, подпрыгнула с места, жадно опустошая стакан. Закашлявшись, она уткнулась носом в плечо, смаргивая набежавшие слезы.

- Горькое, - осипшим голосом отметила она, приподнимая стакан, - налей еще.

Пожав плечами, я плеснул в бокал снова. На этот раз Анна лишь покрутила стакан в руках, снова опускаясь на стул, приняв прежнюю позу. Отхлебнув из своего, я затаился снова, облокотившись на столешницу.

- Давай начнем с простого, - начал я, не отрываясь глядя на нее, - как ты меня нашла?

Тема показалась достаточно нейтральной. В конце концов, не каждый день на моем пороге стоят продрогшие бывшие пациентки. В больнице вряд ли дали бы кому-то постороннему мой адрес, а она была не похожа на работницу каких-либо структур. Забитая замысловатой татуировкой правая рука девушки опустилась на стол. Анна перебирала пальцами, снова глядя в одну точку перед собой.

- Это совсем не просто, - усмехнулась она, снова делая глоток.

Поморщившись, Анна коротко выдохнула, отставляя и этот стакан в сторону.

- Попробуй объяснить, - хмыкнул я, пытаюсь сохранять дружелюбие, - у меня, знаешь ли, не каждый день такие гости.

Анна поджала губы, нахмурившись. От сдвинутых бровей у нее на переносице проступили морщины, а я снова затаился, продолжая стоять. Похоже, стоило куда-то позвонить, ну или что там делают в таких случаях? В том-то и дело - я понятия не имел, как нужно поступать в такой ситуации. Звонить в скорую? Да никаких повреждений у нее вроде как нет, а я сам врач. В полицию? Она вежливо позвонила в дверь и уже несколько раз предлагала уйти. Это глупо.

Вообще пора давно создать службу, занимающуюся нежелательными гостями. Внутри дрогнуло, когда Анна вновь обняла колени. В конце концов, я правда мог ее не пускать, но она же здесь. Как-то стыдно стало за свои мысли, и я вновь опустил на стул.

- Врач, а пьешь, - безразличным тоном сказала Анна, ковыряя многострадальные ногти, - вредно же.

- Поучи еще, - опершись на стол, ответил я, - ты же понимаешь, что тебе придется рассказать? Ты же для этого и пришла, верно?

Горло Анны дернулось, а сама она кивнула, проведя ладонью по взлохмаченным волосам. Ее пальцы на столешнице дрогнули, и она убрала их, сжав колени.

- Просто это, - она сглотнула слюну, ковыряя обгрызенным ногтем выцветшую пленку, лежащую на столе, - короче, я сейчас все объясню, если пообещаешь не считать меня сумасшедшей.

Я промолчал, а Анна понимающе кивнула. Обычно все, что начинается с подобной фразы, и является бредом. Какие обещания тут давать едва знакомому человеку? При этом сомнений у меня не было - она расскажет. Анна уже практически говорит. Своими рваными выдохами, дрожащими пальцами и красными бороздами ногтей на расчесанных руках. Анна собрала губы трубочкой и растянула их, словно разминая лицевые мышцы. Стоило признать, что сейчас она выглядела гораздо спокойнее, чем когда переступила порог.

Может, стоило предложить ей сухую одежду?

Похоже, что за пару лет без постоянной девушки я забыл, как с ними полагается обращаться.

- А ты один живешь, да? - неловко начала Анна, а я кивнул, сминая бычок в пепельнице.

- То есть этого ты не знала? - хмыкнул я, уставившись на зажмурившуюся гостью.

Кончик языка на мгновение мелькнул между ее губ, но исчез. Поставив локти на стол, Анна с силой потерла ладонями лицо, отчего к ее щекам наконец-то прилился слабый румянец. По крайней мере, Анна перестала походить на труп.

– Я вообще ничего о тебе не знаю, – придвинув к себе стакан, Анна уставилась на гладкую поверхность, будто ее взгляду требовалась опора, чтобы она могла говорить, – я даже не помню, как тебя зовут.

– Ну конечно, – откинувшись на спинку стула и скрестив на груди руки, протянул я, – а адрес подсказали почтовые голуби?

Анна медленно моргнула, не отводя взгляда от стакана. Дрожь покинула ее тело, и теперь она просто поглаживала прозрачные бока стакана, изучая каждый миллиметр гладкого стекла.

– Я не знала, кто откроет дверь, – прошептала она и моргнула, опуская голову еще ниже.

И без того сутулые плечи Анны опустились еще ниже, создавая впечатление, что она старается занимать как можно меньше пространства, буквально целиком сворачиваясь в клубок. Что-то там внутри нее сейчас было настолько уязвимо, что она пыталась защитить это даже вот таким образом.

– Ладно, – отмахнулся я, – давай по-другому. Что ты здесь делала?

Анна недоуменно посмотрела на меня, будто услышала какую-то глупость.

– Шла сюда, – словно это само собой разумеется, ответила она, – в эту квартиру.

А вот теперь настала моя очередь недоуменно пялиться на гостью. Может, еще не поздно набрать в скорую? Это на шизофрению случайно не похоже? Или она просто испугалась настолько, что пока мысли не пришли в порядок?

Хотя ведь вполне себе логичные варианты. Квартиру же я купил совсем недавно. От осознания того, что причина лежала на поверхности, я мысленно хлопнул себя ладонью по лбу. Да, похоже, недосып дает о себе знать. Еще чуть-чуть, и начну призраков видеть.

– Понял, у тебя тут жил кто-то знакомый раньше и ты прибежала, не зная, будет ли он дома, – выдохнул я, постукивая пальцем по столешнице.

Прикусив изнутри щеку, отчего на ней появилась ямочка, Анна быстро посмотрела на меня, поднимаясь с места.

– Не совсем, – она поджала губы, сцепив перед собой пальцы в замок, – я знала, что тут живет кто-то знакомый, но не знала кто.

– Так, понятно, – взлохматив волосы, я поднял ее опустевший стакан, – похоже, сейчас от тебя я ничего вразумительного не добьюсь...

– Подожди, – оборвала Анна, а я остановился, разворачиваясь к ней, – я... я знаю, как тебе показать, чтобы ты поверил.

Сжав руки в кулаки, она кивнула на стакан. Закатив глаза, я опустил его на стол, показывая открытие пустые ладони. Раздражение перебило беспокойство. Сейчас покажет свои фокусы и поедет домой, мое гостеприимство уже и так порядком себя показало.

– Отойди от стола, пожалуйста, – выдохнула она, переминаясь с ноги на ногу, – это случилось только сегодня и я еще не совсем, – она замолчала, нахмурившись, – просто отойди от стола.

– Пожалуйста, – подняв руки, я сделал два широких шага в сторону, опершись на кухонный гарнитур, – ну?

– Подожди, – прошептала она, глядя на стол, – смотри туда.

И я уставился туда, куда сказала Анна, не наблюдая больше за ее действиями. Почему-то стало даже как-то тоскливо. Просто сумасшедшая, которая пришла ко мне домой. А ведь Анна была очень даже ничего. Вполне себе стройная, с этими очаровательными выступающими ключицами. Даже чем-то напомнила мне мою бывшую. Только, в отличие от нее, у Анны округлостей словно не было вовсе, вся угловатая, дерганная, колкая. Хотя, возможно, это просто особенности питания.

Это я ее сейчас как девушку или как пациента мысленно рассматриваю?
Усмехнувшись своим мыслям, я только собрался повернуться к Анне, как стакан на столе дернулся.

Сначала я этого даже не понял. Просто почему-то изменился угол падения света, черт его знает. А когда стеклянное доньшко проехало сантиметров десять влево, я сам чуть не подпрыгнул на месте, вцепившись в столешницу позади себя.

– Блин, – разочарованно вздохнул кто-то над ухом, а я пошатнулся, – подожди, сейчас я...

И я только почти убедил себя, что мне показалось, как стол вместе со стаканом влетел с грохотом в стену, теряя свои ножки.

Не показалось.

Слова застряли где-то на моменте их формирования.

Розыгрыш? Гипноз?

Анна что-то говорила под ухом, но я не слышал. Опустившись на колени, поднял сломанную ножку стола и уставился на ободранные обои. Она снова что-то сказала, а я растерянно обернулся.

– А?

Анна села на стул, мирно сложив руки на коленях.

– С момента, как я себя помню, мне каждый месяц снится один и тот же сон, – четко проговорила она, уставившись прямо на меня своими блестящими нефритовыми глазами, – в нем я горю.

Франция, Нёшательский фео́д, деревня Домреми*

23 декабря 1430 года

Под ветвями раскидистого бука, что рос неподалеку от большой дороги, ведущей в Невшато, медленно кружились подобно летящим с неба снежинкам две девочки. Взявшись за руки, они тихонько пели, возведя глаза к небу, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в кроне дерева. Раскрасневшаяся от игры старшая сестра скинула свой плащ, оставшись в робе**, что подолом своим щедро подметала снег. Подхватив зарвавшуюся младшую под мышки, она закружила ее сильнее. Вцепившись маленькими ручками в плечи сестры, та жмурилась и верещала от радости.

Посильнее прижав к себе младшую сестренку, девочка оттолкнулась ногой и повалилась в снег, что, казалось, лишь здесь немного покрывал землю. Раскинув руки в со стороны, она глубоко дышала, разглядывая мерно висящие над головой облака.

– Анна, – младшая скатилась на землю и принялась отряхиваться, – Расскажи еще раз.

Старшая сестра отрицательно покачала головой, щелкнув младшую по усыпанному веснушками носу. Ее всегда удивляло, насколько они были не похожи. И несмотря на то, что Сибилл едва исполнилось шесть, когда самой Анне уже вот-вот как будет двенадцать, это уже бросалось в глаза. Яркие волосы Сибилл, рыжие кудряшки которых сейчас выбились из-под шаперона***, слишком выделялись на фоне светлых, почти белых, прямых локонов Анны, а красивый овал лица, что вырисовывался из-под детских округлых щек, был противоположностью треугольному лицу Анны с острым вздернутым подбородком. Анне было очень интересно, какими же они обе вырастут. Сибилл была практически копией мамы, а самой Анне достались от нее лишь глаза. Да, нефритовый взгляд был гордостью женской части их маленькой и простой семьи. Иногда Анна фантазировала, что когда-нибудь в их деревню заглянет непременно принц из тех историй, что рассказывала мама, и заберет их в большой и красивый замок. Там они тоже будут долго и исправно трудиться, но не как здесь.

Анна считала себя уже достаточно взрослой, чтобы понимать – не зря их семья, в отличие от других, всегда сыта. Отец и матушка работали круглыми днями, даже зимой, когда заканчивались полевые работы. Например, как сегодня. Мама часто ходила на ключ и брала их с собой.

Анна молчаливо принимала, что так и должно быть, но видела взгляды деревенских. Рано или поздно мама расскажет ей сама, а до этого времени она предпочитала думать, что все в порядке. Взрослые на то и взрослые, ее дело – дом и уход за Сибилл.

– Ну пожалуйста-а-а-а, – протянула Сибилл, вцепившись в рукав Анны, понижая голос, а в ее глазах заблестели искры, – про дерево фей.

– Сибилл! – вскрикнула их мать, что, поднимаясь от ключа*, услышала последние слова дочери. – Анна, ты снова?

Растрепавшиеся рыжие волосы плотно налипли к вспотевшему от долгой работы высокому лбу Идонеи.

– Мамочка, а ты говорила с феями? – взвизгнула Сибилл, поднявшись на ноги, а Анна охнула, зажав свой рот ладонями.

Словно так она могла остановить сказанное сестрой.

– Ты видела их? Они же красивые, да?

Идонея бросила на Анну взгляд, под которым девочке захотелось провалиться под землю. Быстро возведя глаза к небу, Анна зашептала Ave Maria****, сама особо не понимая, зачем делает так каждый раз. Уж кто, а матушка точно не сомневалась в ее благочестивости.

Опустившись на корточки, Идонея поправила шаперон на голове Сибилл и обхватила ее лицо ладонями. Ласково погладив разрумянившиеся щеки дочери, он быстро поцеловала ту в лоб.

– Дорогая, ты же знаешь, что это просто сказки, верно? – тепло улыбнувшись своей дочке, Идонея кинула быстрый взгляд на утвердительно кивнувшую Анну.

Словно вопрос мог относиться к ней.

Сибилл обидчиво надула губы и нахмурилась, отчего кончик ее носа смешно дернулся.

– Нет! – вдруг протестуяще вскрикнула она, топнув ножкой, а Анна дернулась вперед. – Нет, вы все врете!

Ком тревоги в груди Анны упал в живот, заставляя вмиг замерзнуть. Этого не могло быть. Сибилл расплакалась, потирая глаза кулачком, а Анна пристально смотрела на нее.

Не могло. Сибилл точно не видит их.

Матушка объясняла Анне, что это как особенности, которые бывают у некоторых детишек при рождении, если родители колебались в своей вере. Иногда ребенок рождался с лишним пальчиком на руке, с большим родимым пятном или вот с такими рыжими волосами, как сама мама и Сибилл. А иногда рождались такие, как Анна.

Матушка объясняла, что на самом деле дьявол здесь совершенно ни при чем, но об этом нельзя никому говорить. Даже папе. Если Господь послал такое испытание, то нужно понять зачем. Принять такой дар и поблагодарить за все препятствия, что возникают на пути.

И вот сейчас, глядя на сестру, Анна пыталась понять, не послал ли такое же испытание Господь Сибилл. На секунду страх сменился... надеждой? Ведь если бы она была такая не одна, то вдвоем им было бы легче? Ужасные мысли. Анна отругала себя и снова зашептала Ave Maria. Она просила, чтобы ее сестренка была свободна от этого бремени. У каждого свое испытание, а что может быть страшнее, чем представить Сибилл перед угрозой инквизиции?

– Ты что-то видела? – вытирая слезы с щек Сибилл, дрогнувшим голосом спросила Идоней. – Дорогая, я не буду ругаться. Маме ты можешь рассказать все секреты, ты же знаешь это, правда?

Анна повела плечами и подхватила с земли плащ. Внутренности продрогли, и ей очень хотелось домой. Ее любимое место вдруг стало каким-то чужим, а минуту назад светлое небо густо заволокло облаками. Домой.

- Нет, мама, - шмыгнула носом Сибилл, вытирая его кулачком, - но очень, очень сильно хотела бы.

- Пойдем домой, - подала голос Анна, протягивая руку вперед и робко улыбаясь, - у нас с тобой очень много дел, еще со вчера пряжа ждет.

Сибилл прищурилась, словно действительно решала, стоит ли ей сейчас идти с сестрой.

- А я расскажу тебе сказку про принца, - подмигнула сестре Анна, и та сорвалась с места.

Анна было зашагала к дому, как удар в грудь приковал ее к месту. Жадно глотая воздух, Анна оглядывалась, пытаясь понять, что произошло. Сердце билось ровно, никого рядом не было, но удар. Он же был. Она оглянулась на мать в попытках найти ответы, но та стояла, так же, как и Анна, прижав ладонь к груди.

- Идонея! - крик их соседки, что сейчас бежала, путаясь в подоле робы, заставил всех обернуться. - Идонея, помоги! Жанна, - Беатрис***** остановилась, переводя дыхание, - она у них. В Руане.

- Беатрис, успокойся, - Идонея вытянула вперед руку, медленно выдыхая, - девочки, идите домой, - тоном, не терпящим возражений, отчеканила она, - быстро.

Наши дни

- Марк Алексеевич, может, рано меня в терапию переводить? - невинно хлопнула длинными ресницами и надула пухлые губы юная пациентка, что благополучно перенесла удаление аппендикса. - Неужели я вам тут так надоела?

Анастасия улыбнулась, перекинув внушительную косу через «случайно» оголившееся плечо.

Даже не представляешь как. Уже не знаешь, что хуже – пожилые, что вечно требуют к себе дополнительного внимания, или молоденькие, которым хочется приключений на задницу и острых ощущений. Пара добрых успокаивающих слов, чтобы пациенты не нервничали перед операцией, и все, девушки расцветают, настроив себе в голове воздушных замков и, не спрашивая тебя, дают своим неродившимся детям твое отчество. Конечно, не все такие. Щелкнув авторучкой, я зацепил ее за край папки и передал историю болезни медсестре.

– В самый раз, Анастасия Петровна, в самый раз, – кивнул я пациентке, подходя к двери, – поправляйтесь.

– Но я же вас даже не отблагодарила, – округлив глаза, заявила пациентка, а ее соседка по палате прыснула, маскируя смех за кашлем.

– Больше не попадайте на больничную койку – это будет лучшей благодарностью, – подмигнул я, быстро ретируясь из палаты.

Голова после вчерашнего трещала, а я радовался, что никаких внеплановых операций сегодня не случилось. Вечерний обход прошел на удивление спокойно, поэтому, наконец оказавшись в своем кабинете, я потянулся в кресле, косясь на стопку папок с историями болезни.

Когда я захотел стать врачом, все, о чем мог думать – я буду спасать людей. Бороться с самой смертью, вырывать из ее цепких лап тех, кто еще сотню лет назад был бы обречен. Наверное, все люди моей профессии думали так же, за своей большой целью забывая об остальном.

Например, о горах отчетности. Хотя не думаю, что если бы я работал на заводе – отчетности стало меньше. Век гиперконтроля. Бесконечная цепочка руководства, что переформировывает подробные отчеты в более сжатые, собирая воедино, пока у какого-то одного человека на самом верху не окажется всего один лист с ничтожным процентом реальной информации.

Вздыхнув, я выпрямился, включая компьютер. В конце концов, мне хотя бы повезло стать тем, кем я и хотел быть всегда. Пусть что-то и представлялось

иначе, но ведь кардинально суть не изменилась. С отчетами или без них, я спасаю людей.

Не отвлекаясь от отчета, я схватил пластиковую бутылку, но разочарованно вздохнул. Закончилась. Метко швырнув пластик в корзину, не глядя нашарил под столом новую. Очень удобно – покупаешь сразу упаковку маленьких бутылок с водой и не нужно держать полторалитровые бутылки. Пробка поддалась, звонко захрутев, а я жадно глотнул, пытаюсь заглушить жажду. Горло обожгло, а пульс ломанулся вскачь. Закашлявшись, я поставил бутылку, вытирая брызнувшие из глаз слезы. Какого?.. Уставившись на этикетку, я потер глаза. Нет, надпись «Святой источник» не испарилась, а пробка в моих руках подтверждала, что распечатал я ее только что.

– Блин, прости, – от раздавшегося за спиной голоса я резко подскочил на ноги, – я не хотела, чтобы так вышло.

Да, а я уж понадеялся, что мне все приснилось. Поспешно щелкнув замком на двери, я резко выдохнул и провел руками по волосам, собираясь с мыслями.

Анна сидела на подоконнике между фикусом и столетником в чем-то, очень напоминающем длинную домашнюю футболку. Сильнее натянув ее на колени, она поежилась, отодвигаясь подальше от холодного стекла. Босые ступни ее были плотно прижаты к батарее, а сам вид ее, что секунду назад казался растерянным, вдруг изменился на крайне любознательный.

Похоже, эту девушку не волновало, что она сидит в кабинете мужчины в одежде, больше подходящей для сна.

– А у тебя классно, – широко улыбнулась Анна, касаясь пожелтевших листьев фикуса, – атмосферненько, – с этими словами она кивнула на стену с местами отвалившейся плиткой, – я уж и забыла, как тут.

– Ты что здесь делаешь? – подойдя к столу, я вновь схватил бутылку, но на этот раз лишь осторожно поднес ее к лицу.

Резкий запах спирта ударил в нос. Сомнений не было – водка. Причем не очень хорошая, судя по всему.

– Прикольно, да? – кивнула Анна, гипнотизируя несчастный фикус. – У меня весь день в руках любая жидкость вот так, – хмыкнула Анна, отворачиваясь от растения, – пить хочется, жуть.

Только сейчас я заметил, что Анна пьяна. Ерзает на месте, хмурится мыслям и криво улыбается. Скулы, лоб и кончик носа окрасил румянец, а масляно блестящие глаза немного остекленели, надолго не останавливаясь на одной точке. Ее шатало из стороны в сторону, даже когда Анна просто сидела.

– Я просто подумала, что пока я могу говорить – надо увидеть тебя, Марк, – решительно кивнула Анна, чуть не свалившись с подоконника, – да и вчера ты явно был не готов слушать дальше, все сидел, щепки эти сраные перебирал.

– А имя мое с адресом сегодня тебе высшие силы подсказали? – скрестив руки на груди, я оперся на стол, пристально наблюдая за ней.

– Не, – отмахнулась Анна, подхватывая кувшин с водой для поливки растений и задумчиво его рассматривая, – на бейдже у тебя написано.

Анна закинула ногу на ногу и опустила палец в кувшин. Подняв руку, она облизала его, а лицо ее на секунду удивленно вытянулось.

– Слушай, я не... – начал было я, но Анна меня не услышала, смело опрокинув в себя содержимое кувшина.

– Бе, – она высунула язык и поморщилась, – какая гадость.

– Почему я? – не выдержав, я дернулся вперед, хватая ее за плечи. – Население нашего города вполне себе дает выбор. При этом каждый десятый – твой случайный знакомый. Зачем ты тянешь в это дерьмо меня?

Вся усталость от бессонной ночи и долгого рабочего дня свалилась на меня разом. Раздражение куда-то испарилось, было лишь нетерпение и желание поскорее избавиться от Анны. Стереть всю эту историю из памяти, списать на переутомление, на что угодно. И больше никогда не вспоминать, что стол на моей кухне превратился в щепки, вода в руках – в водку, а на подоконник в закрытом кабинете с решетками на окнах вдруг уселась девушка из

пятнадцатого века.

Анна вздохнула и внезапно похлопала меня по щеке.

– А ты разве еще не понял? – пьяно икнула Анна. – Мне нужно найти человека, который убил меня больше пятисот лет назад, – усмехнулась она, заправляя волосы за уши, – как ты думаешь, как мне помогут обычные жители города?

Она замолчала, закинув руки мне на шею и глядя в глаза. Нефритовый взгляд словно проникал прямо в мозг, активизируя вчерашние воспоминания.

«Я не знала, кто откроет дверь».

Забыть, стереть из памяти.

«Шла сюда, в эту квартиру».

Желание распахнуть окно и перекинуть Анну через подоконник ударило под дых.

Нет, нет, нет.

Этого не может быть.

«Я знала, что тут живет кто-то знакомый, но не знала кто».

– Я искала своего знакомого, Марк. Сейчас дошло? – Анна тяжело вздохнула, обхватывая мою голову обеими руками. – Мне нужен был человек из пятнадцатого века, Марк. Иначе какой в этом смысл, правда?

3

Ложка методично ударяла о стенку кружки, пока я перемешивал сахар. Уставившись в точку перед собой, я потерял счет времени. Может, ответ гораздо

проще – я всего-лишь свихнулся? Нет, почему это не должно происходить так? У кого-нибудь есть методичка, как именно человек должен сходить с ума? Галлюцинации, стол разнес я сам, а все остальное – следы стремительно развивающейся шизофрении. В конце концов, а кто видел Анну, кроме меня?

Таксист, что завис на минуту, разглядывая ее голые ноги в явно больших для нее тапочках, сменщик, многозначительно усмехнувшийся при виде Анны, выходящей из моего кабинета, соседка тетя Люба, потерявшая дар речи, пока Анна, пошатываясь, цеплялась мне за плечо, дабы не упасть.

Нет, Марк, свидетелей хоть отбавляй.

– На тебя смотреть страшно, – Анна, кутаясь в мою футболку, юркнула на стул, поджав под себя ноги, а я вздрогнул, фокусируя взгляд на ней, – ты не заболел случайно?

Влажные после душа волосы Анны прилипли к ее плечам, оставляя на ткани широкие сырые следы. В нос ударил ментоловый запах моего шампуня и обычного мыла. Да, если бы я не был так шокирован происходящим, возможно, эта картина меня и заинтересовала. Сейчас же ничего, кроме негодования и раздражения, я не ощущал.

Хотя нет, вру. Еще мне, как мелкому пацану на стрелке перед бандой старших ребят, было стремно. Стыдно и страшно, супер коктейль, Марк.

Не дожидаясь приглашения, Анна вцепилась в кружку, подтягивая ее к себе и щедро отхлебывая чай.

– Ну наконец-то, – облегченно выдохнула она, снова делая глоток, – а я уж подумала, что быстрее сопьюсь, чем что-то вспомню.

– А ты не могла пожелать сразу найти убийцу, а не знакомого? – не выдержал я, вцепившись в край стола. – Я, знаешь ли, запомнил, что было в пятнадцатом веке.

Анна снова жадно отхлебнула из кружки, не забыв демонстративно закатить глаза. Как вообще в ней одновременно уживались скромность и наглость, я

понятия не имел. Бурлящий коктейль. Вот она извиняется, глядя в пол и смущенно краснея, а вот уже ходит по твоей квартире, как по своей. Или это у всех девушек так, а не только у ведьмы?

От пришедшего на ум слова стало душно. Расстегнув две верхних пуговицы на рубашке, я уселся на стул, стараясь не облакачиваться на наспех отремонтированный стол.

– Я пыталась, – с запинкой произнесла Анна, – но, похоже, так это не работает. Не знаю почему.

Она нахмурилась, а светлое минуту назад лицо потемнело.

– Ладно, – опершись ладонями на колени, я выдавил из себя нечто похожее на улыбку, – что от меня требуется?

В конце концов, это было самым правильным решением. Больше времени потрачу на отрицание и лишние переживания, чем на действия. Раз Анна пришла, значит, нужно понять, в чем заключается моя помощь, и уже наконец-то избавиться от ее присутствия в своей жизни.

– На самом деле я рассчитывала, что твое имя мне что-то подскажет, – прошептала Анна, отворачиваясь к окну, – мое не изменилось, наверное, – добавила она неуверенно, – мне так кажется. Я думала, что с тобой будет так же.

– Подожди, – остановил ее я, прочищая горло от охватившего меня беспокойства, – то есть ты хочешь сказать, что понятия не имеешь, что делать дальше?

Чайная ложка осторожно коснулась поверхности стола, а Анна судорожно принялась выгонять из-под пленки на столешнице воздушные пузыри.

– Ну, некоторые образы стали ярче, – пробубнила она, снова проводя ногтем, – после нашей вчерашней встречи. Голоса какие-то появились...

– Стоп, – я схватил ее за руку, дергая на себя, вынуждая посмотреть мне в глаза.

Несмотря на внешнее спокойствие, пульс ее зашкаливал, сейчас судорожно барабанил по подушечкам моих пальцев. Просто чудесно.

– Так ты знаешь, что делать? – повторил я вопрос, глядя в ее широко раскрытые глаза.

Растерянность и сожаление отразились в них так ярко, что места для сомнений не осталось. Девушка, что утверждает, что я жил в пятнадцатом веке так же, как и она, абсолютно потеряна.

– Нет, – потухшим голосом ответила Анна, вырывая руку из захвата, – я не знаю.

Прежде чем Анна отвернулась, мне показалось, что в ее глазах блеснули слезы. Поднявшаяся было внутри злость словно испарилась, и я просто молчал, уставившись на тихо сжавшуюся на стуле девушку.

Что должно произойти в жизни, чтобы сломя голову под дождем нестись к незнакомцу? Отчего-то внутри стало пусто и холодно.

– Ты пробовала поговорить с близкими? – осторожно спросил я, потирая ладони в попытке прогнать охвативший меня холод.

– Да, – отозвалась Анна, – с родителями. Они не поверили. Мама посоветовала обратиться к врачу, – горько усмехнулась она, потирая край кружки, – был вариант убедить их лично, но они сейчас живут в Австралии, а у меня аэрофобия.

– А как с моим кабинетом?

– Не получается, – пожала плечами Анна, – не знаю, может, потому что они обычные люди и не участвовали в тех событиях. Не понимаю почему, – выдохнула она, – до момента встречи с тобой я была уверена, что сошла с ума.

– А друзья, не знаю, должны же быть какие-то подруги у тебя?

– Должны, – кивнула Анна, пристраивая подбородок на коленях, – только я сама всегда предпочитала одиночество. Мне так больше нравилось. Не быть

зависимой от каких-то связей, не удерживать бессмысленные долгие отношения. Я всегда с легкостью прощалась с людьми, переезжала с место на место, так что, – Анна улыбнулась и почесала кончик носа, – нет никого у меня, только знакомые, которым такого не расскажешь.

– Ведьмы всегда предпочитали отшельничество, – не знаю зачем, выдохнул я, растирая переносицу, а Анна удивленно посмотрела на меня, – забей, не бери в голову.

– Марк! – вскрикнула Анна, а ее лицо просияло.

Подскочив с места, она схватила меня за плечи, чуть ли не подпрыгивая на месте.

– Ты должен попробовать!

– Что? – недоуменно смотрел я на Анну, а она уставилась на меня со своим прежним надменным выражением лица.

– Вспомнить, конечно же, – растянулась Анна в улыбке и, словно опомнившись, убрала руки с моих плеч, – я же вспоминать начала больше после встречи с тобой. Значит, и у тебя должно быть так же.

Я решил промолчать о том, что в принципе она и до этого что-то там видела, а я жил себе спокойно. Появившаяся в ее глазах надежда не позволила мне вымолвить и слова. Я лишь серьезно кивнул, поднимаясь с места.

– Пока я не вспомнил, а мой стол и сознание в порядке, не будем тратить время зря.

Анна, до этого кружившаяся у стола, замерла, разглядывая меня.

– Сейчас я готов выслушать все от начала и до конца. Соберем детали, пойдем, кто убил тебя в пятнадцатом веке, а там придумаем, как действовать в нашем, – и с этими словами я подхватил сумку с ноутбуком, стоявшую на пороге кухни, – давай с того места, про сны.

Франция, Нёшательский феод, деревня Домреми*

28 мая 1431 года

Приглушенный свет в комнате огненными бликами танцевал по ярким распущенным прядям Сибилл. В маленьком пространстве казалось, что именно ее волосы сейчас источник этого света. Анна удобнее перехватила гребень, снова опуская его в густые шелковые пряди сестры. Осторожно расчесывая волнистые волосы, она думала, что это единственное занятие, которым готова заниматься вечно. Умиротворение и покой, вот что ощущала девочка, когда кончики ее пальцев касались огненных локонов.

– Жалко, что у меня такие волосы, – грустно вздохнула Сибилл, ерзая на коленях у сестры, – мама говорит, что скоро мне придется их светить.

– Осветлять, – машинально поправила Анна, осторожно проводя ладонью по блестящему рыжему шелку, – на самом деле в этом нет ничего страшного.

Сибилл тяжело вздохнула, а ее плечи опустились под тяжестью мысленной ноши. В этот момент она показалась Анне такой взрослой, что та невольно улыбнулась. Она смутно помнила, когда Сибилл появилась на свет, но рассчитывала увидеть, как ее сестра превратится в прелестную девушку и выйдет замуж.

Анна была достаточно взрослой, чтобы мама рассказала ей о том, сколько детей в их семье не вышли из младенческой колыбели. Она говорила, что Господь словно наказывал ее за поздние роды, ведь долгое время после рождения самой Анны ее тело не могло носить ребенка. Ну а когда первый младенец все же появился на свет, Господь забрал его обратно.

Анна же думала иначе, но боялась спросить у матери. Да и разве это не грех гордыни, считать, что на самом деле все произошло из-за ее рождения? И каждый раз, когда эти мысли проносились в ее голове, Анна незамедлительно делала то, чему учила мама – читала Ave Maria. Кажется, она могла хоть сто раз

подряд повторить молитву без запинки и на одном дыхании, каждый раз наивно радуясь, что удастся сделать это без всякого напряжения.

Анна знала, что на свет после нее появились трое младенцев, прежде чем родилась Сибилл. Мама запрещала ей смотреть на детей, особо это не объясняя, но тогда любопытство взяло верх. Пробравшись в комнату родителей (Анна плохо помнила тот день), она то ли взяла Сибилл на руки, то ли просто стояла и смотрела на нее. Но тепло, что тогда разлилось в груди, замедляя дыхание и заставляя трепетать перед спящим младенцем, жило и по сей день. Тогда же мама почему-то ругала Анну, крепко прижимая к груди Сибилл, а Анна долго не могла понять, что она сделала не так.

Анна говорила, что с Сибилл все будет в порядке, но мама не слышала, растирая по щекам горькие слезы. Шло время, а Сибилл не касались хвори, обходя их дом стороной. Анна все так же уверенно читала Ave Maria, но уже над кроватью сестры. Это после Анна начнет придумывать сказки, запоминать мамины истории, что та тихим голосом рассказывала Сибилл, а тогда это было единственным, что хорошо знала Анна.

– Тебе легко говорить, – вздохнула Сибилл, выводя Анну из размышлений, – ты светленькая.

Развернувшись у сестры на коленях, Сибилл выжидающе посмотрела на Анну.

Убрав прядь волос сестре за ухо, Анна улыбнулась, кинув быстрый взгляд на дверь.

– Мама осветляет волосы, – заговорщическим голосом прошептала Анна, – у тебя совсем как у нее. Как видишь, ничего страшного с ней не произошло.

Сибилл кивнула, как всегда безоговорочно доверяя сестре. Подскочив с ее колен, она юркнула в кровать, что хоть была маленькой, но занимала добрую половину комнаты. Им с Анной еще повезло, что есть своя комната. Даже такая маленькая.

Камень ударился в окно, а Анна подпрыгнула от неожиданности, переглядываясь с сестрой. Сибилл же села на кровати, радостно хлопая в ладоши.

Стук повторился, а Сибилл от нетерпения подскочила на ноги.

– Ну открывай, – канючила Сибилл, дергая сестру за рукав, – ну пожалуйста.

– Сибилл, уже поздно, – мягко проговорила Анна, удерживая сестру за плечи, – не время для гостей.

– Но это же Норман! – так, словно самого этого факта вполне достаточно, воскликнула Сибилл.

Норман для Сибилл был почти как старший брат. Она обожала играть с ним, могла часами носиться по улице, а сам Норман неустанно придумывал для нее новые развлечения. Иногда Анне казалось, что только Норман был причиной любой радости Сибилл. И это почему-то ее очень расстраивало. Ей хотелось, чтобы сестренка больше времени проводила с ней, а не с тощим подростком с чуть раскосыми глазами.

Нет, Анне нравился Норман. Они дружили с самого детства еще с того периода, когда дети особенно не имеют воспоминаний. Но Анна знала, что Норман точно там был. В его присутствии всегда было легко и спокойно, только вот ключевым словом здесь являлось «было».

– Ложись, – бросила Анна сестре, собираясь с духом, – я сейчас приду.

Отворив дверь, Анна на цыпочках вышла из дома, ежась от ночной прохлады. Как только глаза привыкли к темноте, Анна разглядела вытянувшуюся фигуру взрослеющего Нормана. Он был старше ее всего на пару лет, но сейчас между старыми друзьями словно стала открываться пропасть.

Норман собирался стать диаконом, уже повсюду помогая работникам местной церкви.

– Прости, что поздно, – добродушно улыбнулся Норман, а Анна выдавила из себя измученную улыбку, неловко переступая с ноги на ногу, – хотелось поболтать.

– В этом доме всегда рады служителям Господа, – быстро прошептала Анна, оглядываясь на дверь.

Котта* намертво прилипла к спине от льющегося меж лопатками пота. Анна то и дело тянулась к шнуровке на груди, словно так можно было снова начать дышать. Она понятия не имела, как ее матери удастся всегда приветливо и непринужденно улыбаться людям, что были гораздо опаснее Нормана.

- Ты какая-то бледная, - нахмурился Норман, а Анна отрицательно качало головой.

- Прости, - проблеяла она, заводя трясущиеся руки за спину, - я, я наверное, ну, просто устала. Сложный день.

- Ты здорова? - Норман сделал шаг вперед, а Анна еле удержалась, чтобы не сорваться с места и не запереться в доме.

«Господи, ну почему это должно быть так сложно», - подумала Анна, сглатывая парализующий ее комок.

- Ладно, - пожал плечами Норман, отступая назад, - действительно поздно. Я зайду завтра.

Анна торопливо закивала, не сдержав вздох облегчения. Но Норман его уже не слышал, так как поспешно удалялся в сторону своего дома. Как же Анне хотелось, чтобы все стало как прежде. Она была согласна даже просто наблюдать за тем, как Норман играет с Сибилл. Лишь бы не было вот этого мучительного напряжения. Каждый ее вздох рядом с ним должен быть продуман. Теперь ее единственный друг был для нее опасен.

Погруженная в свои мысли, Анна шла обратно к комнате, как звук доносившихся до нее голосов заставил её остановиться у самой двери.

- Я должна ехать, - очень быстро шептала мать, - должна, Вигмар, - она всхлипнула, а Анна прислушалась.

Еще никогда она не слышала голос матери настолько взволнованным. Что должно было произойти, чтобы она плакала?

– Послушай меня, – спокойный и теплый голос отца раздался следом за всхлипом, – ты сделала все, что могла. Жанна не такая, как ты. Ты больше ей не сможешь помочь, – мать снова всхлипнула, а Анна нервно сглотнула.

Отчего-то в груди Анны тревожно заныло, да так, что ей хотелось скорее бежать к маме и начать ее успокаивать.

– Подумай об Анне. Мы не можем так рисковать.

Анна словно приросла к полу. Чувства, что сейчас она испытывала, были для нее непонятны. Сожаление, облегчение, страх. Все перемешалось и сейчас струилось по венам, мешая разобраться, что она сама об этом думает.

Но она точно знала, чего испытывать не должна.

Радости от того, что где-то сейчас мучается другой человек, а не она.

Губы беззвучно шептали Ave Maria, а Анна все так и стояла у двери, глядя вперед невидящим взглядом.

Наши дни

Анна положила руки на колени и задумалась, собираясь с мыслями. Стараясь ее не торопить, я бестолково водил пальцем по тачпаду, глядя на открытый чистый лист. Несмотря на все, что произошло за неполные два дня, я все еще не осознавал, что все это правда. На секунду даже подумал, что стоит моим рукам коснуться клавиатуры, запечатляя слова, как странные видения растворятся в потоке фактов. Словно просто визуализируя мысли я вдруг найду логичное объяснение происходящему.

Возможно, именно это желание мной и движет. Доказать, что так не бывает.

Я словно снова очутился в детстве, где взрослый и рассудительный отец объясняет, что монстра под кроватью не существует. Достаточно лишь опуститься на пол и заглянуть под нее. Стук в окно лишь игра ветра, а мигающий свет – перебои электричества. Всему есть логичное объяснение.

Вот и сейчас я ощутил то же чувство, что охватывало тогда, когда, встав с кровати, собираешься с духом, чтобы посмотреть под нее.

– Это были просто кошмары, – пожала плечами Анна, бегло обведя взглядом мое лицо, – их тех, которые часто снятся детям, если пересмотреть ужастиков. Ну, по крайней мере, родители говорили так, – запнулась она, уставившись на мои пальцы, – ты уже пишешь?

Я оторвался от клавиатуры и посмотрел на нее. Кто бы знал, каких это усилий стоило. Почему-то сейчас я был не способен сейчас встречаться взглядом. Мандраж охватил руки, и, наспех кивнув, я снова принялся печатать.

– Может, на диктофон? – севшим голосом сказала Анна и отвернулась. – Ну или автонабор...

Я замер. Что-то знакомое промелькнуло в ее голосе. И дело было совсем не во фразе. Уже собрался ответить, что автонабор не освоил, а с диктофона как-то непривычно, как замер и не вымолвил ни слова.

Что она чувствует? Зачем тянет время? Не проще сразу все выложить?

Мысль ошарашила, хотя ведь казалось, что это очевидный ответ. Ведь сама Анна жила до недавнего времени точно так же спокойно, как и любой из нас. Ну, кошмары. Такие же, как мои. Не больше. Но ведь она была нормальной.

Ладони отчего-то похолодели.

Что почувствовал бы я, обнаружив под своей кроватью монстра?

Вот что я слышал. Ее страх. Ведь кошмар Анны стал реальным.

– Продолжай, – как можно бодрее сказал я, – так удобнее.

– Ладно, – нервно улыбнулась Анна, перебирая край растянутой футболки, – за все это время я привыкла, что это норма. Даже думала, что у всех так. Смотрела на человека и пыталась угадать, какой же кошмар мучает его, – ее кожа

побелела и вместе с этим лицо словно одеревенело, стирая все эмоции, – пока не угадала. Больше я так старалась не делать, ведь на этом все мои странности заканчивались.

– Кошмары раз в месяц и отличная интуиция? – снисходительно улыбнулся я. – В кого ни плюнь, у каждого есть что-то особенное.

– Поэтому я и полагала, что все в порядке, – Анна потерла лоб, оставляя красный след своей нервозности, – пока в прошлом месяце не проснулась от того, что мне очень горячо.

Мои пальцы замерли над клавиатурой, а я пристально уставился на Анну. Она поджала губы и выдавила нечто похожее на усмешку, но все это выглядело жутковато. Как кривляния куклы с наспех созданным лицом.

– Я тогда еще ничего не поняла. Кошмар снился, как ему и положено, в свой обычный день. В итоге подумала, что это фантомные ощущения сна, просто еще не успела до конца проснуться, – кивнула Анна сама себе, а я погладил край ноутбука, пытаюсь сосредоточиться на чем-то более физическом, чем слова, – только через неделю все повторилось. На этот раз я проснулась с покрасневшей кожей и от биения сердца думала, что оглохну. Это уже после я поняла, что плохо слышала я от своих криков, а не от него, – она медленно моргнула, набирая побольше воздуха, не давая и шанса остановить ее, – а после это стало происходить все чаще и чаще. Последние три дня я практически не сплю, – Анна зажмурилась, а ее руки сжались в кулаки, – скупил все кремы от ожогов, а от болеутоляющего уже тошнит. Мне ничего не помогает. Я не могу спать, но и не спать тоже не могу.

Анна замолчала, а я посмотрел на ее ноги. Следов ожогов было не видно, а значит, ее слова не имели фактического подтверждения. Анна поймала мой взгляд, мгновенно выпрямляя спину. Я уставился на экран ноутбука, делая вид, что записываю все тезисы, что благополучно пропустил. Неловкая тишина повисла между нами, лишь иногда прерываясь мои клацаньем.

– А как ты поняла про прошлое и то, что умираешь? – тихо кашлянув, я прервал тишину.

– Вместе со ставшими реальными, – запнулась Анна, но взяла себя в руки, – ощущениями, сама обстановка вокруг, люди, детали. Все стало более осязаемо. Но, наверное, самое главное это мысли. Не мои мысли, – поморщилась она, поднявшись со стула, – той Анны. И как только я стала их слышать, мои возможности начали расширяться с каждым днем.

– Ты можешь процитировать мысли? – торопливо фиксируя услышанное, я заметил, как мои руки дрожат.

Я уже опустился на колени перед кроватью и вот-вот подниму покрывало. Страх и предвкушение смешались, запуская тремор. Нет. У хирурга не могут трястись руки. Быстро размяв пальцы, я удовлетворенно вытянул руку вперед, потратив на все не больше десяти секунд.

– Они какие-то запутанные, – не замечая моих действий, продолжала Анна, – я словно не могу их до конца услышать. Но позавчера я кое-что расслышала. И сразу после этих слов прибежала к тебе.

Я заставил повторить Анну фразу несколько раз, ища в ней зацепки, но ничего не приходило в голову. Это действительно нельзя интерпретировать никак, кроме как послание.

Ведьма знала свое будущее. Где-то там, в пятнадцатом веке, она знала, что ее душа будет перерождаться.

Подкроватный монстр смотрит прямо в глаза своими зияющими черными глазницами, но я уже его не боюсь. Он ждал мальчика и не рассчитывал увидеть мужчину. Я выдержу этот взгляд.

«Тридцать... гореть тридцать... Анна... Найди его... Отомсти за... и жив... вечно».

30 мая 1435 года

Ночную мглу в маленькой комнате рассеивало лишь дрожащее пламя свечи. В тусклом свете сложно было понять, дышит ли человек, лежащий на узкой кровати. Пучок трав догорал в стоящей на полу чаше, пуская клубы дыма, что поднимался вверх к потолку, заполняя собой все пространство вокруг.

Анна сполоснула тряпку в чаше с составом, что должен был снимать жар, и выжала ее. Все тело ее болело от усталости. Зажав рот ладонью, Анна спрятала вырвавшийся зевок. Глаза ее слипались, а разум требовал отдыха. Она и забыла уже, когда спала последний раз.

Идонея закашлялась и резко выгнулась на кровати, пытаясь справиться с разрывающими ее легкие спазмами. Налипшие на все лицо волосы казались ей сейчас противной паутиной, что с каждым днем все сильнее опутывала ее. Ворот ночного платья душил, а прикосновение ткани к коже казалось невероятно обжигающим. Обряд четырехлетней давности не остался для ведьмы незамеченным. Ничто не появляется ниоткуда и не исчезает никуда. Идонея знала это слишком хорошо, но не могла не попытаться. Невинный человек, преданный теми, кого защищал, чистая душа, билась в агонии, сгорая заживо. Каждый из тех, кто пришел в этот мир для сохранения баланса, чувствовал это тогда. Когда творилось нечто невероятно жестокое под маской служения Господу, души белых ведьм чувствовали.

Пытаясь спасти, Идонея сделала то, чего никогда не должна была. Сильная черная магия была рождена ею в тот день. Она проникла в самое сердце некогда белой ведьмы, запустив свои корни. Отравляя само существо Идонеи постепенно, день за днем. Ведь сначала она даже не поняла, что происходит. Сначала было понадеялась, что смерть Жанны уравнило совершенное колдовство. У Идонеи не получилось ее спасти, сместив время. Нарушив законы природы.

У нее вообще ничего не получилось.

Но время расплаты пришло. Идонея с трудом открыла глаза, пытаясь оглядеться, но не видела ничего перед собой из-за жара и застилающих глаза слез.

– Я не хотела, – прохрипела Идонея, а Анна подхватила отвар, переместившись на кровать к матери, – я не хотела.

– Я знаю, – приобняв мать за плечи, Анна приложила кружку к ее губам, – пей.

Идонея раскрыла рот и принялась жадно пить. Запах она все еще узнавала. Отвар тек через край, стекая по ее подбородку и шее, но все же приносил облегчение. Все так же придерживая мать, Анна осторожно протерла ее лоб, откидывая тряпку в сторону. Она подхватила подушку и приподняла ее повыше, укладывая ставшее практически невесомым тело Идонеи.

С одной стороны, Анна понимала, почему это происходит. Мама нарушила главный закон, вмешалась в естественный ход вещей. С другой, она же никому не желала зла. Да и разве можно назвать сожжение героини Франции на костре естественным? Сложно было найти человека более верующего, чем Жанна. Анна помнила ее смутно, но все же лик сохранился в памяти. И вот сейчас мать Анны страдала из-за того, что пыталась просто помочь.

Опять же – почему расплата пришла именно сейчас? Прошло четыре года, за это время могло произойти что угодно. Так почему Господь ждал так долго, чтобы восстановить справедливость?

– Ave maria, – зашептала Идонея, стоило Анне поставить кружку, – ?iti maan lapsien, – Анна вздрогнула от вскрика Идонеи, – taas meihin katsoo...*

Каждое слово с самого начала давалось Идонец тяжело. Она говорила медленно, запинаясь и путая слова, а ее губы вдруг потрескались. Идонея вновь закашлялась, а Анна опомнилась от проступивших на коже матери красных пятен. Резко наклонившись, она зажала Идонец рот, не давая той произвести и звука.

– Прекрати, – прошипела Анна, – мама, перестань.

Идонея медленно кивнула, а Анна осторожно отняла руку, вытирая выступивший на висках пот.

– Я даже не могу, – Идонея улыбнулась, смаргивая набежавшие на ресницы слезы, – я даже не могу попросить прощения за свои грехи на смертном одре.

– Он, – Анна усмехнулась, указывая на потолок, – слышит тебя и без церковников.

– Тогда почему не дает произнести эти слова, – тяжело вздохнула Идонея, устраивая голову на подушке.

В груди Идонеи стало легче, а в голове – яснее. Не сегодня. Сейчас она понимала это. Травы делали свое дело – жар отступал. Но сколько еще у нее будет времени? Успеет ли увидеть Вигмара еще раз? Он уехал в город и так и не вернулся, а Анне приходится возиться с ней и Сибилл. А ведь им нужно что-то есть. Вигмара нет сколько? Месяц?

Мысли Идонеи путались, на веки опускалась тяжесть.

– Потому что тебе не за что извиняться, – прошептала Анна, снова раскладывая тряпку на лбу матери, – спи. Тебе нужно немного отдохнуть.

В животе Анны противно заурчало. Ее отец задерживался. Анну не оставляли мысли, что в дороге с ним могло что-то случиться, но она точно знала, что почувствовала бы. Только это понимание и давало Анне сил. Последнюю неделю она решила экономить еду. Денег в доме не было, ее отец забрал все, что можно было продать, и отправился по городам. Почти все травы Идонеи, отвары, заготовки и некоторые вещи для маскировки. Его самого могли сжечь. Поэтому перед его отъездом Анна очень старалась с защитным амулетом.

Их семья готовилась к тому, что Идонея вскоре умрет. Конечно, охотой Вилмара они проживут, но как его дожидаться?

Анне просто хотелось есть. Поэтому когда в дверь раздался стук, так хорошо знакомый Анне с детства, она поднялась с места и на цыпочках вышла из комнаты. Это был не обычный стук. Два быстрых, пауза, один короткий, пауза, один короткий, пауза, два быстрых. Обычно под него в ночи ее мать выбегала из комнаты, затянув шнуры котты, и исчезала из дома на несколько часов.

Открывая дверь, Анна ожидала увидеть что угодно. А это оказалась лишь Катерина, ткачиха через четыре дома, что всегда бросала в их сторону косые взгляды и плевала через плечо, стоит им пройти мимо. Первое желание – захлопнуть дверь. Анна легко его подавила под натиском урчащего желудка.

Катерина недоуменно огляделась, помявшись на пороге. Под светом звезд было хорошо видно, как обычно румяная женщина сейчас была блее мела.

– Мать позови, – взяв себя в руки, повелительным тоном произнесла Катерина, – чей-то она не открыла?

Анна осторожно втянула воздух, крепче сжимая дверной косяк. Запах чеснока защекотал ноздри, перебиваемый чем-то резким. Образ кудрявого морщинистого мужчины сам всплыл в голове. Проморгавшись, Анна тряхнула головой, внимательно заглядывая в глаза Катерины. Женщина съежилась, отступая назад.

– Не чума у твоего мужа, – не давая себе передумать, быстро произнесла Анна, – но и лекарь не видит настоящую болезнь, – Катерина распахнула рот, а Анна тяжело вздохнула, – торопиться надо. Иди первая, я догоню, травы только возьму.

Наши дни

Челюсть затекла, а правая половина лица явно лежала на чем-то твердом. Стоило мне заворочаться, как раздались непонятные щелчки, а под ухом завопил динамик, уведомляя о включении компьютера. Резкий звук мгновенно привел в чувство. Окончательно проснувшись, я поднял голову с клавиатуры. На кухне все еще было темно, но первые лучи солнца уже проникли сквозь жалюзи, освещая очертания предметов. Проспал я совсем недолго, ведь светает сейчас очень рано. Разглядеть время на настенных часах не получилось, а телефон нигде не было видно. Предательский же ноутбук, что минуту назад решил прервать мой сон, торжественно вырубился, быстро уведомив о разряженном аккумуляторе. Я часто заморгал, с силой подавив зевок. Спина и шея ныли, а перед глазами все еще плыло. Будь сейчас обычное утро, я бы уже умывался, но, судя по всему, такая рань, что силы нужны только затем, чтобы доползти до кровати. С удовольствием потянувшись, я услышал, как по очереди хрустнули

позвонки. В принципе считаю, что если в тридцать ты способен потянуться так, чтобы не свело конечности, работая при этом по двенадцать часов ежедневно – нужно от государства премию давать. Поощрять «подрастающих» пенсионеров. Кто-то же должен до этой пенсии дожить.

Туман в голове рассеиваться не желал. И когда мы уснули? Мысли путались, а события вечера не желали выстраиваться в логический ряд. Я нашарил чистую кружку в шкафчике и открыл кран с холодной водой. В горле пересохло и отчего-то очень хотелось пить. Дождавшись, когда сольется вода, я быстро подставил пустой еще стакан под струю. Нельзя пить сырую воду, но сейчас очень хотелось. А еще неплохо было бы открыть окно. Духота напирала со страшной силой, словно на улице была жаркая южная ночь. Жадно глотая воду, я думал, что, похоже, проблема глобального потепления достигла и меня. А точнее – моего кошелька. Ведь если будет так жарить, рано или поздно придется купить кондиционер.

Анна посапывала, растянувшись на столешнице. Устроив голову на сложенных ладонях, она спала умиротворенно, словно младенец. Чуть приоткрытые во сне губы влажно блестели, а морщинки на лбу разгладились, делая ее лицо более юным. Я глядел на Анну, и у меня складывалось впечатление, словно она спала первый раз за очень много времени. Ее покою не мешало ничего – ни духота, ни то, что моя футболка на ее теле задралась, оголяя бедра, практически не оставляя места фантазии. По крайней мере, изображение Пикачу у нее на копчике заставило меня замереть в попытках перестать пялиться на самые обычные трусы. Большая и страшная ведьма и трусы с изображением покемона окончательно вывели меня из обретенного равновесия.

Желание покурить возникло как по волшебству. Обычно ночью я не просыпаюсь затем, чтобы затануться, а сейчас вдруг осознал, что без этого не усну. Только вот курить на кухне мне отчего-то не хотелось. Подавив глупый порыв выйти в подъезд (это при наличии балкона-то), я настырно уселся на прежнее место, щелкнув зажигалкой.

Пламя лизнуло сигарету, заставляя ее кончик засиять красным светом в рассветной темноте. Я с удовольствием затанулся и недоуменно затряс головой. Вместо знакомого дыма в легкие проник... обычный воздух. Ничего не понимая, я уставился на идеально целую сигарету. Что спросонья ни покажется. Видимо, не прикурил. Крепче сжав зубами фильтр, я снова щелкнул зажигалкой, на этот раз не отводя взгляда от покрасневшего кончика, пока сам втягивал отравляющий

дым. Только вот это снова был не он. А сигарета снова была целой.

Я внимательно всмотрелся в лицо Анны. Точно ли она спит? На подобные фокусы была способна лишь она. Я наклонился ниже, прислушиваясь к ее дыханию, даже проверил пульс. Нет, Анна спала как убитая, не подозревая о происходящем вокруг. Если она вообще понимала, что уснула в доме случайного знакомого.

А что-то другое, настойчиво не давая мне спать пагубным желанием покурить, тащило меня в подъезд.

Первое правило ужастиков: если где-то что-то шумит, зовет, кряхтит, нужно подчеркнуть, – вали оттуда, пока не поздно. Ладно, может, я погорячился, не ужастиков, а зрителей ужастиков.

Но, кажется, теперь я понял, как это работает. Потому что пока зрители в зале брызжут слюной с криками «дебил», «не ходи туда», «ну куда поперся», ты уже стоишь около злосчастной двери и мокрыми от страха пальцами крутишь отвратительно скрипящую ручку, хотя твой мозг бьется в панике. Сейчас я совершенно не понял, как оказался возле выхода. Да и что это за ручка?

Дверь исчезла, не успев открыться, а я отшатнулся. Квартира исчезла. Я тер глаза, пытаюсь смахнуть наваждение, но оно не проходило. Вокруг был лишь лес. Паника подкатила к горлу, а я судорожно пытался понять, в чем дело. Трава под босыми ногами была покрыта утренней росой, и реальность этого ощущения еще больше сбивала с толку. Как такое возможно?

Кто-нибудь пробовал ходить по лесу босиком? Когда в голые ступни впиваются ветви, а пальцы то и дело утопают то в гниющей листве, то в чем-то скользком и липком. Думать о том, что здесь, возможно, водятся змеи, мешало лишь ощущение и без того нарастающего страха. Когда ты вырос в городских джунглях, лесная чаща кажется чем-то далеким и практически нереальным. Да, ты все еще помнишь, как ходил в детстве собирать грибы с родителями и с ума сходил от зуба комариных укусов после, но стоит снова оказаться здесь, понимаешь, что все это было словно нереально.

Холод и бесконечные, наполненные звуками ряды деревьев, что при каждом порыве ветра склоняют свои головы, роняя на тебя паутину.

Стараясь держаться подальше от особо широких корней деревьев, я шел вперед, насколько возможно внимательно глядя под ноги. Вот и угораздило же. Я даже понятия не имел, куда шел. Двигаясь лишь на внутреннем импульсе, несмотря на саднящую кожу и застилающую взгляд тревогу, я шел, периодически судорожно оглядываясь.

Разве такое возможно? С другой стороны, люди и предметы силой мысли не двигают. Да и превращение воды в спиртное до этого времени я встречал лишь в Библии. С чего я вообще взял, что Анне стоит помогать? Да и еще этот разговор о том, что я сам жил в пятнадцатом веке. Давно пора было уже усвоить, что если я встретил привлекательную девушку, нужно брать ноги в руки и валить подальше, а не погружаться в ее проблемы.

- Марк, - прошелестели листья, а я остановился, как вкопанный, - Марк.

Ужас, что было отошел на задний план, ледяной волной обдал меня, заставляя судорожно крутиться на месте в поисках источника звука. Ничего. Лишь деревья и кустарники, за которыми невозможно было что-то разглядеть.

- Кто ты? - крикнул я в пустоту, опираясь ладонями на колени и переводя дыхание. - Прекращай давай, выходи.

- Обернись, - голос прозвучал слишком близко за моей спиной.

И почему на этой фразе резко расхотелось поворачиваться? Может, я как-нибудь сам выберусь, не? И кто только тянул меня за язык. Но тело словно не слышало моих мыслей. Выпрямившись, я медленно поворачивался, готовясь к худшему.

- Анна? - недоуменно спросил я, глядя в зеленые глаза, что практически светились в темноте. - Что за шутки?

Но она словно и не слышала меня вовсе. Вытянув вперед руки, Анна не торопясь разглядывала то плотно облегающую ее тело темную водолазку, то ярко окрашенные ногти. Откинув назад длинные волосы, что кончиками касались поясницы, она осторожно провела ладонями по бедрам, ощупывая джинсы.

– Значит, так ты меня видишь, – задумчиво протянула она, цокнув языком, – неплохо, но с фантазией у тебя явно стало хуже.

– Заканчивай, – устало выдохнул я, скрестив руки на груди, – я все еще рассчитываю выспаться.

– Успеешь, – хмыкнула она, уставившись мне в глаза.

Мороз пробежал по коже от ощущения, что Анна видит сейчас все в моей голове. Пронизывающий взгляд доставлял почти боль, и я поежился, быстро разрывая зрительный контакт. Горло словно сжали так, что воздух проникал в тело с трудом, а легкие опалило жаром. Откуда такая духота?

– А ты еще не вспомнил, да? – склонив голову, Анна прищурилась, а я невольно отступил назад. – Ну да, глупый вопрос, иначе бы я называла тебя другим именем.

Язык плотно присох к небу, когда Анна немного подалась вперед. Жар опалил лицо так, что капли пота заскользили по лицу вниз, а я зажмурился, словно пытаюсь уберечься от пламени.

– Чертовы лохмотья! – внезапно рявкнула Анна.

Щелкнув пальцами, Анна закрыла глаза, откинув голову назад. Я успел только моргнуть, а она уже стояла в касающемся травы платье, что несмотря на свой светлый цвет придавало ее лицу большую зловещность.

Я словно видел Анну и в то же время не ее. Более острые черты лица, напряженные губы и морщина, вертикальной чертой разрезающая переносицу. Она была словно старше и одновременно не была такой. С другой стороны: саму Анну я знал недостаточно долго, чтобы судить. Но одно отличие точно невозможно было перепутать. Воздух вокруг этой ее версии был ощутимым. Практически материальным, тугим, похожим на кисель, что не задерживался в легких, заставляя задыхаться. И эта Анна знала об этом. Усмехнувшись, она ткнула пальцем мне в грудь, выписывая замысловатые узоры, а я не мог даже двигаться.

То, что в этом странном лесу мое тело не подчиняется мне, давно пора было усвоить.

Анна кивнула.

– Конечно, Марк, – хмыкнула она, а ее глаза зло блеснули, – давно пора.

– Как меня зовут в твоём времени? – закрыв глаза, я вытер напрочь вспотевшее лицо.

Пожав плечами, Анна послала мне снисходительную улыбку, а я уставился на ее острый ноготь, царапающий мою кожу в проекции сердца.

– Время, Марк, опасный противник, – протянула она, нажимая сильнее, а я поморщился, – оно слишком могущественно для того, чтобы оставить мне шанс вспомнить такие мелочи.

Кожа горела под подушечкой ее пальца, словно около груди держали раскаленный утюг.

– Я убил тебя?

– В некотором смысле, – засмеялась Анна, – ты задаешь неверные вопросы, Марк. Попробуй еще раз.

Сглотнув остатки слюны, я дрогнул от болезненного ощущения. Влага словно испарялась из меня с каждой секундой пребывания здесь. Разум бился в панике. Оставалось единственное желание – как можно скорее оказаться подальше отсюда. Больше никогда не видеть Анну и не иметь со всем этим ничего общего.

– Кто тебя убил?

– Инквизиция, – зашипела Анна, толкнув меня ладонью, а я закричал от ощущения горячей кожи, – глупый вопрос! Плохо стараешься, Марк, очень плохо стараешься! – кричала Анна, а я пытался сморгнуть туман от выступивших от боли слез.

– Почему я?! – взревел я, собрав в кулак всю злость, что скопилась за эти минуты на Анну.

Гнев Анны сошел на нет. Это было видно по расслабившемуся лицу и хитрой улыбке, что коснулась ее губ. Обняв меня за шею, отчего я был готов упасть на землю, Анна приподнялась на цыпочках, в прямом смысле обжигая мое ухо своим дыханием.

– Ты знаешь других, – прошептала она, касаясь моей щеки ладонью, – почти всех. Найди, Марк. Найди их всех, Марк...

В ушах шумело. Закусив изнутри щеку я давился металлическим вкусом на языке вперемешку с кровью, зажмурившись, я пытался снова обрести дыхание, но жар не давал сделать и вдоха. Я закашлялся, пытаюсь отпрянуть от пламени, что полыхало около моего тела.

– Марк! – визг достиг моего сознания сквозь пелену боли. – Марк, черт, давай же!

Кто-то кричал, пока я пытался выпутаться из обжигающих объятий ведьмы. Земля закружилась, а кроны деревьев почему-то оказались внизу, корнями уходя далеко в небо. И лишь когда ливень обрушился на мою голову, я смог глубоко вдохнуть.

Ледяная воды стекала по моему лицу, барабаня по дну ванны. Закашлявшись, я резко поднялся, скидывая с плеч чьи-то маленькие холодные ладони.

– Да успокойся ты, – через водную пелену перед глазами я разглядел очертания напряженного лица Анны, – нужно охладить ожоги.

Какие ожоги? Прикоснувшись к лицу, я поморщился.

– Мы уснули, – словно это что-то объясняет, сказала Анна, перехватывая душ в другую руку, – а когда я очнулась, от твоего лица шел дым. Черт, ты тяжелый, знаешь?

Резко поднявшись на ноги, я повернулся к зеркалу, Везде, где «во сне» меня касались руки Анны, кожа была покрыта огромными волдырями. Красные пятна

пульсировали, отрезвляюще пробиваясь к сознанию.

- Все в порядке, - улыбнулась Анна, кивнув на свои ноги, - это на самом деле не так страшно, да и проходит быстро. Первый раз только сложно...

- Выметайся отсюда, - оперевшись на раковину, гаркнул я, больше не глядя в ее сторону.

- Марк, все нормально, - осторожно прошептала Анна, но я запретил себе ее слушать.

Это не то, что я мог себе представить. Это выходило за все возможные рамки. Рядом со мной сейчас стояла девушка, что секунду назад чуть не оставила от меня горстку пепла. А я не сомневался - Анна могла.

«В некотором смысле».

- Вон отсюда! - рявкнул я, прижимаясь лбом к холодному стеклу. - Пошла вон!

- Ладно, - я не видел ее, но в сознании четко отразилась картина, как тонкие плечи опускаются, а Анна идет к выходу, - хорошо, Марк. Спасибо за все.

Франция, Нёшательский феод, деревня Домреми

30 мая 1435 года

- Пришла, - охнула Катерина, быстро затягивая Анну в дом.

Оглядевшись по сторонам, она захлопнула дверь, а Анна чихнула от запаха, стоявшего в помещении. Глаза заслезились, и она прикрыла нос платком. Причина обнаружилась сразу. Все окна были плотно закрыты пропитанной воском тканью, да так, что свежий воздух в дом практически не проникал. По совету шарлатана, выдающего себя то ли за местного лекаря, то ли за чумного доктора, чудом пережившего эпидемию почти столетней давности, заботящиеся родные завалили весь дом самыми зловонными вещами, что смогли обнаружить: отдохлых крыс у порога до полного ночного горшка в углу комнаты больного.

Не выдержав вони, Анна быстро подбежала к окну, рывком содрала с него ткань и запахнула настежь. Спасительный воздух проник в комнату, контрастируя с накопившейся за время вонью.

– Уберите все, – прокашляла Анна, всем телом высунувшись на улицу, – нужен свежий воздух.

Катерина возмущенно запыхтела и, подбоченившись, решительно шагнула вперед.

– Чтоб зараза в нос лезла? – зашипела она, пока Анна думала, как эти люди могут в принципе находиться здесь дольше пяти минут. – Ишь чо удумала. Как лекарь сказал, так и делаем!

– Ну так и шли бы к нему, – Анна выпрямилась и, набравшись мужества, решительно развернулась, – у него что ни болезнь, то чума. Он ее у Нормана два раза в месяц в детстве находил.

– Нашла с кем сравнивать, – развела руками Катерина, шипя полупшепотом, – Норман – лицо, к Господу приближенное.

– Особенно в пять лет, – хмыкнула Анна, двинувшись вперед, – не выдумывайте. Если его слушать, так у нас вся деревня чумой несколько раз переболела.

В углу на кровати кто-то заворочался. Анна и Катерина переглянулись, заключая временное перемирие. Болезненные стоны и звук рвотных позывов заставили Анну поежиться, а Катерину засуетиться вокруг мужа.

– Священника привела? – раздался слабый голос из угла комнаты, а Анна замялась в нерешительности. – Долго же ты, уж думал, не дождусь, с тяжелой душой уходить буду.

Катерина присела у кровати, а Анна отступила туда, где под покровом ночи ее сложно было разглядеть. Она решила, что этим двоим стоит сначала между собой разобраться.

– Приведу, – быстро зашептала Катерина, низко наклонив голову, – обязательно приведу. Сейчас только давай еще одного человека послушаем, и сразу побегу.

И без того тяжелый воздух наполнился напряжением, от которого у Анны затряслись колени. Если бы не сходящий с ума от голода желудок, она бы сбежала прямо через распахнутое ею же окно. Пока не поздно, пока ее не видел никто, кроме Катерины.

– Ты кого приволокла, дура?! – взревел Герард, а Анна вжала голову в плечи и зажмурилась. – Говори, женщина!

– Ты успокойся, пожалуйста, – залепетала Катерина, удерживая рывком поднявшегося на кровати мужа за плечи, – лежи, тебе подниматься нель...

– Значит, о теле моем ты позаботилась, а душу решила дьяволу скормить?! – рявкнул Герард, а Анна отступила, касаясь лопатками стены.

– Герард, – попыталась остановить мужа Катерина, но тот уже был на ногах.

Удерживаясь за стены, Герард медленно, но верно приближался к потерявшей все слова от страха Анне. Зубы ее застучали, когда она открыла рот, грозясь прихватить кончик языка.

– Я... – выдавила Анна инстинктивно прикрываясь руками, – я могу помолиться с вами!

Герард остановился в жалком шаге от нее, а Катерина, воспользовавшись ситуацией, влезла между мужем и Анной, закрывая ее своей широкой грудью.

– Ты чего на девчонку взъелся, а? – повысила голос Катерина, наполняя и саму Анну решительностью. – Она к тебе, дураку, шла, жизнью, можно сказать, рисковала, а ты тут ее не пойми в чем обвиняешь, да храни тебя Господь. Травница она, ясно? Как мать ее. Знает, какая трава от какой хвори, а ты, дубина, марш в постель! А то ишь, выздоровел, смотри-ка, – подгоняя мужа чуть ли не пинками, Катерина вышагивала уверенно вперед.

Только Анна знала – все это сейчас не для нее. И хотя она и была благодарна Катерине за защиту, но не смела обманываться. Заступаются за нее сейчас только потому, что помощь нужна. А как нужна не станет, сами дрова на кострище соберут.

– А ты что замерла? Иди давай, плохо ему совсем, не видишь, что ли, мерещится что-то, – бурчала Катерина, а Анна кивнула, подбежав к кровати.

За теплую воду у кровати Анна тоже была благодарна. Видимо, не один раз лекарь приходил. Наспех ополоснув руки, Анна вытерла их, поворачиваясь к пациенту.

– Ты молитву-то читай, – нахмурился Герард, – а то кто ж вас знает, травниц этих. Мне что ведьма, что травница, один черт.

Анна улыбнулась, справляясь с дрожью.

– Ave Maria, – осторожно наклоняясь и разглядывая белки глаз Герарда, без запинки начала она, – ?iti maan lapsien...

После непродолжительного осмотра Анна поняла, что оказалась права. Серая кожа, неоднократная рвота, режущая непрекращающаяся боль под ребрами, что стала отступать лишь несколько минут назад, учащенный пульс да и то, что все это началось сразу после активного «лечения» вином с пряностями, наводили Анну на определенные мысли. Болезнь, что еще не известна науке и не изучена, но Анна чувствовала ее в органе, который никогда и в глаза не видела. Мечтой Анны было хоть одним глазком взглянуть на вскрытие мертвого тела, но в их глуши таким никто не занимался. Осторожно ощупывая живот Герарда, Анна прислушалась к своим ощущениям. Этот орган стонал и задыхался уже давно, но, ослабленный недавней простудой, что доктор и принял за лихорадку, да и нагруженный сверху «лекарствами», он зачахал. К счастью Анны, похоже, самое страшное осталось позади. По сути Герард, несмотря на то, что его же родные его чуть и не добились, справился с кризисом сам.*

Такого даже мать Анны в своей практике не встречала. Обычно болезнь забирала у нее много сил, заставляя денно и нощно носить с ключа воду, в ночной тишине заговаривая ее. Все же не обычные они травницы.

Удовлетворенная осмотром, Анна потянулась к пузырькам с отварами и сушеным пучкам трав.

– Три дня ничего не есть, пить только воду, – отчетливо проговорила она, привлекая внимание Катерины, – воды можно побольше. Совсем неважно будет – бульона слабого, шестой варки, остальное сами съедите, без него. Всю грязь убрать, держать комнату в прохладе, – Анна ухватила самый большой пучок и протянула его Катерине, – это шалфей. Отвар из него начнешь давать на третий день, вместе с пижмой и гибискусом. А из сухого другой отвар сделаешь. Чтобы Герард над паром дышал. У него от простуды еще тут осталось, – положив руку на грудь, Анна отняла ее, – да и все вроде. Что где забудешь, приходи. Главное – есть ему не давай, нельзя. А остальное организм сам сделает, сильный он.

Катерина кивнула, решительно принимая шалфей из рук Анны.

– Может, это, – глядя куда-то в одну точку перед собой, Катерина замялась, – поешь со мной?

Желудок приветливо заурчал, но Анна посмотрела на светлеющее за окном небо. Герард проследил за ее взглядом и понимающе кивнул, поправляя старое одеяло.

– Ты с собой ей положи, – строго сказал он жене, – да не трепись никому, куда десяток яиц да молоко делись. Дела у нашей травницы еще, Катерина.

Забрав благодарности и распрощавшись с хозяевами, Анна быстро шмыгнула за дверь. Только пошла не в сторону дома, до которого идти было очень долго. Наоборот, прошла к лесу, как мать учила, пока ночь еще скрывала ее лицо, а уже после зашагала домой. Тревога, что не давала покоя всю ночь, отступала на задний план, уступая место радости. Она смогла и человеку помочь, и себе еды заработать. Все получилось у Анны.

– И откуда это ты скачешь? – смешок, раздавшийся в спину, словно ведром ледяной воды окатил Анну, смывая такую короткую радость.

Покрепче перехватив угощение, Анна вздохнула, оборачиваясь легко и непринужденно, словно ее и не поймали с поличным. Да мало ли откуда она

идет?

– Гилберт, – улыбнулась она стараясь справиться с биением сердца, что так и норовило выскочить из груди, – а тебе, смотрю, ночью и прогуляться некуда, раз за мной следишь.

6

Идти в клуб, чтобы усесться подальше от вездесущего шума и заткнуть уши наушниками, что не спасают – в этом весь я. В випке было темно и относительно спокойно, что позволяло ненадолго погрузиться в собственные мысли. Дом и работа стали местом ощущения постоянного присутствия кого-то третьего за какие-то пару дней. Невозможно собраться с мыслями, когда вздрагиваешь от каждого шороха за спиной. Неплохо самому бы показаться специалисту.

Вернее, необходимо. Ряд плановых операций передали другому хирургу, а меня отправили в принудительный отпуск. А все из-за того, что на следующий день после того, как я самолично пообщался во сне с ведьмой, пробил тремор. Приговор для хирурга – трясущиеся руки. Нет, не то чтобы я сильно переживал обо всем, что произошло, но пальцы, стоило коснуться скальпеля, заходились мелкой дрожью. Все списали на переутомление и «посоветовали» отдохнуть с оговоркой, что на приход себя у меня не много не мало две недели.

«Незаменимых нет, Марк Алексеевич», – главный врач тяжело вздыхала, но была полна решительности.

Даже в нашу обшарпанную больницу были желающие попасть. Например, внук главного врача, что совсем недавно выскочил из меда, а начало карьеры для зеленого студента заведующим хирургией – не самое плохое.

Тяжелая рука хлопнула меня по плечу, а я вынул наушник, подхватывая пивную кружку.

– Не-е, Марк, так не пойдет, – усмехнулся Паша, протягивая рюмку, – у тебя отпуск или как?

– Или как, – ответил я, отодвигая его руку, – пора завязывать, а то я так скальпель в следующей жизни в руки возьму.

Паша, что с самого детства не особо верил в идею спасения всея живого, но при это каким-то неведомым мне образом был моим лучшим – да и единственным – другом, закатил глаза, опрокидывая в себя содержимое рюмки.

– Зря ты, – осипшим голосом прохрипел Паша, подхватил лимон и, запихнув его в рот, поморщился, – ну и мне больше достанется.

Две девушки, что сидели на диване напротив, практически впритык прижимаясь к высокому блондину, которого я видел второй раз в жизни, звонко засмеялись на его какую-то пошлую шутку. Воспользовавшись тем, что девушки заняты, он быстро подскочил с места, ловко вырывая из рук Пашки вторую рюмку, что тот уже практически поднес ко рту.

– Тш, – серьезно прошипел блондин, сведя брови на переносице и опережая ругательства зависшего с открытым ртом Паши, – много пить – вредно, – рассудительно отметил он и, подмигнув хихикающим девушкам, опрокинул в себя рюмку.

– Ты не попутал, кошкообразное? – рыкнул Паша, а я устало развалился на диване, лениво разглядывая оставшихся без внимания блондина девушек.

– Не нервничай, я же о тебе забочусь. На себя удар взял, – выпятил грудь блондин и дернулся в сторону от летящего на него Пашки, – тише, тише. Я человек творческий, нежный, меня оберегать надо, а ты с кулаками.

– Детский сад, – устало выдохнул я, потирая глаза, когда эти двое выбежали из випки, не переставая препираться.

Девушки переглянулись и быстро, оценивающе оглядев меня, тоже сорвались следом за двумя парнями. Хотя я и видел блондина лишь пару раз в компании Пашки, складывалось впечатление, что этим двоим гораздо веселее друг с другом, чем в компании некоторых не обремененных мозгами личностей женского пола. Несмотря на всю свою дурость, они были слишком умны и, видимо, постепенно привыкали к этому. Все еще таскали за собой ряды разукрашенных девиц, но предпочитали больше разговаривать, чем лапать

силиконовые фито-тела.

От размышлений меня отвлек официант, который регулярно обслуживал наш столик. Собрал со стола все лишнее, он кивнул на мою практически пустую кружку пива.

– Повторить, Марк Алексеевич? – осторожно спросил он, поправляя манжету рубашки.

И не понятно, радоваться или разочаровываться, что в подобных заведениях меня знают, да еще и по имени-отчеству. Хотя обычно мы собирались большей компанией, чем сегодня, да и гуляли гораздо с более интересным размахом. В основном заслуга такой известности лежала на Паше, что любил своими выходками засветиться в сториз у половины клуба. С другой стороны, если бы не современные технологии, он в жизни не вспомнил бы, что вытворял.

– Нет, – покачал я головой, а официант поморщился, снова затеребив рукав, – пока не нужно.

– Хорошо, – улыбнулся он, подхватывая поднос с пустыми тарелками из-под закусок, – я попозже подойду.

Понедобнее перехватив свою ношу, официант пытался сохранить на лице приветливое выражение, но сквозь искреннюю улыбку вновь просочилось болезненное выражение. Я уставился на его манжету, что задралась, когда официант согнул руки.

Красное пятно, не яркое, но очень напоминающее отпечаток чьей-то ладони, если бы этот кто-то с силой схватил парня за запястье, долго сжимая.

– Постой! – не веря тому, что делаю, я подскочил на ноги, перехватывая руку официанта. – Откуда это?

Он неловко пожал плечами и растерянно огляделся, словно в поисках помощи. В ушах шумело от прилива крови так, что я не слышал ни музыку в зале, ни в наушнике. Весь тот легкий хмель, что собрался во мне за последние пару часов, испарился, оставляя в сознании лишь одно.

«Ты знаешь других».

Лицо ведьмы стояло перед глазами так, словно я только что видел ее. Безумную и при этом пугающе притягательную. Где-то я слышал, что зло всегда такое. Соблазнительное, привлекающее внимание, яркое. Все тянутся к нему, слетаются, как бабочки на огонь. С другой стороны, если бы оно не было таким, разве кто-то бы рисковал бессмертием своей души?

– Поставь поднос, – приказал я, кивая на стол, – я врач.

Волшебное выражение. Делает людей разговорчивее. Все же обожают знакомых врачей. И плевать, что ты – хирург. По любой простуде, дерматиту и проблемам интимного характера – все звонят тебе.

Но официант замешкался, вцепившись в поднос, словно утопающий в соломинку.

– Да там ничего страшного, – быстро залепетал он, но ложь выдал бегающий взгляд, – это я там, на кухне обжегся, – осекся официант, практически вращая в пол.

Только вот то, что видел я перед собой, никак не было похоже на ожог. Скорее на то, как выглядели «ожоги» от рук ведьмы через пару часов после всего произошедшего. Практически выдрав поднос, я схватил окаменевшего парня за плечи, глядя прямо в глаза.

– Откуда у тебя это пятно?

– Я не знаю, – промямлил парень, отводя взгляд, – да какое вам дело.

Повинуясь неведомому порыву, я ближе придвинулся к лицу официанта, ткнув пальцем себя в щеку. Да, там уже практически ничего не было видно, да еще и в таком скудном свете, но тот, кто гадал, что с ним произошло, явно мог различить очертания ведьминой ладони.

По-моему, парень перестал дышать, внимательно разглядывая легкое покраснение кожи, что легко можно было принять за следствие просто очень крепкого сна.

– Я правда не знаю, – уже более решительно ответил он, расстегивая пуговицу на манжете и уже беспрепятственно протягивая мне, – я больше в ночную смену работаю, утром на учебу, а днем сплю. Так удобнее выходит. Ну а сегодня проснулся от того, что рука пульсирует. Там сильнее было, но быстро сошло, я как-то значения и не придал. Только что натирает, – поморщился он, – неудобно.

– А что тебе снилось – не помнишь? – на всякий случай уточнил я, судорожно копаясь в фотках на своем смартфоне.

Когда Анна первый раз оказалась на пороге моего дома, я на следующий день вновь нашел ее историю болезни и пробил всю информацию, которую мог, чтобы убедиться в отсутствии у нее психических заболеваний. И тогда же на всякий случай загрузил пару ее фото, чтобы показать нужным знакомым. И вот прямо сейчас, сидя в позе лотоса с умиротворенным выражением лица, с экрана моего смартфона на меня смотрела Анна. Зависнув на секунду, я быстро сунул телефон в руки официанта, внимательно наблюдая за его реакцией.

– Не помню, – нахмурился он, разглядывая фотографию, – а что это за девушка?

Я молчал, продолжая мысленно фиксировать любые изменения в выражении лица официанта. Только вот их не было. Он просто улыбнулся, протянув телефон мне обратно.

– Не знаю такую девушку, – улыбнулся он, осторожно поднимаясь с места, – но если бы увидел, точно запомнил бы.

Еще бы. Такие встречи не забываются. Только вот, похоже, официант действительно ничего не помнил из своего сна и с Анной не виделся. Но где же еще тогда искать подсказки?

Я прекрасно помню ведьму из сна, а этот парень – нет. Потирая покрасневшую кожу шеи, я уставился на экран и зажмурился, стараясь отогнать въевшееся в память лицо ведьмы. Что-то внутри настойчиво дребезжало от мысли, что не одной Анне угрожает опасность.

Если она вообще ей грозила.

По запросу «реинкарнация» гугл выдал почти два миллиона результатов. Чего там только не было. От одноименного фильма ужасов Ари Астера до обители вездесущих и всезнающих экспертов – ответы майл ру. В попытках найти хоть какие-то зацепки я потратил на изучение всего, что предлагал интернет, часов восемь. Да, глупо полагать, что какой-нибудь «мудрец» действительно знал, о чем строчил десять лет назад, но, с другой стороны, во всемирной паутине должно же быть что-то. Вряд ли Анна была единственной ведьмой, что смогла каким-то неведомым образом оформить себе переселение в двадцать первый век.

Как оказалось, желающих узнать, кем же они были в прошлой жизни, так много, что обилие различных тестов на разных порталах прятало за собой крупницы полезной информации. Если, конечно, я правильно представлял себе эти самые ценные знания.

«В каком-то смысле».

Мне нужно понять, почему сожгли на костре ведьму. Нет, конечно, ясно, за что, но как так вышло? Ведь если она умудрилась «выжить», вряд ли у нее не хватило сил, чтобы спрятаться. А что-то упорно подсказывало, что Анна была отнюдь не безобидной знахаркой, что подвергли несправедливому суду. Хотя бы потому, что вряд ли в этом случае неуспокоенная душа направилась мстить своему убийце. Ведь в этом веке он мог оказаться кем угодно. Моим отцом, братом, матерью. Мной самим. Маленьким мальчиком из соседнего подъезда, что забавно корчил рожицы, сидя в песочнице. Или розовощекой девочкой с торчащими хвостиками, беззаботно выглядывающей из коляски.

Я никогда не был глубоко верующим человеком, но моего суждения и понимания религий хватало для самого важного вывода – ни одно доброе и чистое создание не будет угрожать людям, проникая в их сны.

Та, кого я видел во сне, не подходила под понятие «святая мученица». Как сейчас, я видел ведьму перед собой до мелочей. Властный и цепкий взгляд, покрытый налетом безумия. Беззаботность и даже какая-то скука, словно это единственное развлечение, которое еще приносит удовольствие, но приелось. Я был уверен, что ведьма знала гораздо больше, чем говорила.

Что снова жирным подчеркивало мою догадку. Ей интереснее было посмотреть, как я буду выкручиваться, чем найти своего убийцу. Что опять же толкало к мысли, что этот самый человек, которому так стремится отомстить ведьма – я сам.

Поэтому мне было предельно важно понять, что же произошло в пятнадцатом веке и какую роль сыграл я в судьбе ведьмы.

– Вы не расслабляетесь, – уставший парапсихолог, чьи контакты я с трудом откопал в глубинах интернета, устало вздохнул где-то недалеко от меня, – Марк Алексеевич, мне кажется, что вы не понимаете всю серьезность проблемы.

Приоткрыв глаз, я послушно сделал вид, что слушаю очередную порцию бреда про истинное предназначение и след, что идет за мной из жизни в жизнь. Скорее это он не понимал серьезность ситуации, чем я.

– Скажите, а что меня ждет, если в прошлой жизни я убил ведьму? – дабы переключить внимание псевдо – а может, и нет? – ученого, спросил я.

– О, – развел он руками и снисходительно улыбнулся, – вероятность того, что вы были просто убийцей, настолько мала, что я даже не стал бы придавать этим фантазиям значения.

– И тем не менее, – с нажимом произнес я, кладя руки вдоль туловища и устраиваясь на кушетке удобнее.

– Марк Алексеевич, – нервно хихикнул парапсихолог, – существование ведьм в принципе не доказано...

– Так же, как и реинкарнация, но мы же с вами здесь, – усмехнулся я, – какие варианты?

Он тяжело выдохнул, опустившись на скрипнувший под его весом стул.

– Убийство в прошлой жизни, если верить ведам*, носит достаточно неоднозначный характер, Марк Алексеевич. Если убийство было совершено для защиты себя или семьи, это не считается викармой* и не нарушает дхарму*.

Карма – это нечто сложнее обычного закона бумеранга, молодой человек. Если говорить грубо, то тот, кого убили, как правило, нарушил какой-либо космический замысел, и таким вот образом сама природа избавилась от него. Это наука, Марк Алексеевич, нельзя просто взять и сказать, не понимая ничего, как это на вас скажется. Но опять же, я не думаю, что вы кого-то убили в прошлой жизни, – стул снова скрипнул и тихий шорох шагов прошелестел у меня под ухом, – а теперь спите.

7

Франция, Нёшательский феод, деревня Домреми

30 мая 1436 года

Ладан противно лез в нос, заставляя Анну ненароком то и дело прикрывать лицо платком. Воскресная служба уже подходила к концу, но Сибилл желала остаться немного после, чтобы помолиться за здоровье матушки. Конечно, Анна не могла оставить ее одну. Последний год их мать не ходила, оставаясь прикованной к кровати, а отец работал с удвоенной силой, чтобы прокормить семью. На Анне же лежали все домашние дела, здоровье матери и забота о Сибилл.

На стук в дверь она практически не отзывалась почти год. Тот раз, когда она позабыла об осторожности перед натиском голода, Анна проклинала каждый день. После встречи с Гилбертом она вздрагивала от любого шороха, готовясь каждый день, что за ней придут. Ожидание убивало, но недолго. Через трое суток вернулся отец. Будучи послушной и честной девушкой, она все ему рассказала. В ту же ночь на стук в дверь поднялся отец. Тогда Анна испытала облегчение, но шло время, а никто не торопился сжигать ведьму. Постепенно она заскучала по опасному, но интересному и такому притягательному ремеслу.

В редкие моменты отдыха, как и раньше, Анна пряла на радость своего отца, но стоило всем в доме уснуть, она убирала пряжу подальше и садилась перебирать свои заговоренные камни и сушеные травы. На деревенском рынке Анна выпросила у отца несколько глиняных горшочков, якобы для побрякушек своих да Сибилл, а сама тихонько отделяла листья от стеблей и, тщательно просушив, перемалывала их в почти порошок. Так запасы не занимали много места, но

были гораздо ценнее и незаметнее огромных пучков травы, что раньше висели прямо под потолком в доме. Анна варила отвары просто так, некоторые даже приходилось выливать, потому что скопились уже в целые залежи в ее тайничке под половицей.

Но все это было не то. Ей хотелось, чтобы то, что она делает, приносило отдачу, но отец строго запрещал высовывать нос и стабильно преграждал путь к двери, стоило раздаться уже не жуткому, а вождеденному стуку.

Но все же пару раз ей удалось проскочить. Принесенные продукты Анна мудро распределяла так, чтобы отец толком и не заметил изменений. Скорлупу от яиц Анна приспособила к настойкам, что помогают при слабой кости, а крынки из-под молока относил в сарай, смешивая молоко с утреннем удоем. Да и на ее счастье Сибилл с удовольствием уплетала двойные порции, так же как и она сама. Почему-то отца Анна стала бояться больше, чем реальной угрозы, но, к счастью, это мало ее заботило.

Люди потихоньку покидали церковь, и дышать становилось легче. Выдохнув, Анна поправила волосы, улыбнувшись застывшей на миг Сибилл. Сестра все поняла без слов. Быстро переместившись поближе к алтарю, Сибилл сложила руки лодочкой почти у самых губ и, с силой зажмурившись, активно зашептала.

Если бы молитвы могли спасти их мать, Анна не переставала бы молиться. Если бы они могли спасти хоть кого-нибудь. Но, конечно, Анна могла так думать, но никогда не произносить вслух. Не дома, не тем более, на людях.

– Анна, – Норман остановился около девушки, а та быстро поднялась с места, смиренно склонив голову, – что-то тревожит твою душу?

– Благословите, отец настоятель, – опутив взгляд в пол, привычно уже прошептала Анна, – я стараюсь не впадать в уныние, но простит Господь мою грешную душу, иногда моя ноша кажется мне слишком тяжелой.

Мандраж, что практически парализовывал ее в детстве, теперь был редким гостем. Да, ей все еще было жутко от то и дело снующих вокруг церковников, но теперь она видела главное. Они, словно собаки, которых натаскивают выслеживать добычу, чуяли страх. Чем больше боишься, тем сильнее прокалываешься. А Анна, несмотря на весь появившийся в ней скептицизм, все

еще была верующим и богобоязненным человеком. Она знала, что не совершает ничего плохого, и не лезла туда, где чистая энергия граничит с темной магией. Анна понимала суть и важность течения естественных процессов и не противилась им.

По крайней мере, так считала она сама.

– Как здоровье вашей матери, дитя мое? – вкрадчиво спросил Норман, а Анна улыбнулась, выпрямляясь и находя взглядом Сибилл.

– Сейчас для нас хорошо просто то, что она до сих пор с нами, – сдержанно сказала она, – спасибо за беспокойство, отец настоятель.

Сибилл перестала молиться. Сейчас она сидела, глядя перед собой, а на ее щеках при свете свечей блестели прозрачные полосы. Сердце Анны сжалось, и она тяжело вздохнула, прислоняя ладонь к груди.

– Я молюсь за ее здоровье, дитя мое, – вкрадчиво произнес Норман, и Анна замерла, сосредотачиваясь на каждом произнесенном им слове, – и каждый раз спрашиваю себя, что этим хочет сказать нам Господь?

В ушах Анны застучала кровь, заставляя давно забытые страхи всколыхнуться внутри. Сцепив руки в замок, Анна посмотрела прямо в глаза Нормана.

– Я не считаю возможным даже размышлять об этом, отец настоятель. Лишь благодарю Господа, что дарит мне и Сибилл еще один день рядом с нашей матерью, – максимально точно подбирая слова, отчеканила Анна.

Норман вздохнул, отводя взгляд куда-то в сторону, но от этого напряжение лишь усилилось.

– Странно, Анна, – едва слышно прошелестел он, а Анна судорожно сглотнула, – ведь я всегда считал, что твой грех не уныние, а гордыня.

Ладони Анны похолодели, но она послала Норману сдержанную улыбку, контролируя каждое движение на окаменевшем лице.

– Я думаю, что моих грехов гораздо больше, чем два, отец настоятель. Поэтому я исправно посещаю церковь и хожу на исповеди, каждый раз искренне моля о прощении. Так же, как мой отец и моя сестра. Мы живем небогато, но всегда рады поддержать дом Господень. Но да, сегодня у меня на душе тяжело.

– Возможно, от того, что, придерживаясь таких строгих правил, вы не позволяете исповедоваться своей матери, Анна, – Норман продолжал смотреть куда-то вбок, а Анна нервно облизнула губы, беря себя в руки.

Разговор принимал очень худой оборот. Потерев платком кончик носа, Анна изобразила разочарованный выдох, надеясь, что все еще играет правдоподобно.

– Она боится, – слабым шепотом проговорила Анна, прекрасно видя, как ловит каждый звук Норман, – бояться, что ее исповедь будет означать ее уход. Да, мы грешны, отец настоятель, очень грешны, что малодушно придерживаемся воли умирающего, но пока все мы не готовы. Мы все еще молимся за ее выздоровление, тем более, что прогнозы были весьма неутешительными еще год назад, а уже прошло очень много времени.

Норман задумчиво покивал, расправляя полы рясы.

– Конечно, я понимаю, дитя мое, кто же не поймет. Несмотря на то, что я глас Божий, я еще и человек, что любит и сочувствует ближнему своему. Вы же не откажете мне в просьбе увидеть вашу матушку, Идонею? Помочь облегчить ей душу, если она сама того пожелает, поддержать ее разговором о жизни вечной, ради которой стоит отпустить земное.

Скулы свело от того, как сильно Анна сжала зубы в попытках не выпустить рвущийся наружу рык. Норману что-то было нужно. Вряд ли он пропитался духом святой инквизиции, нет. Он и без того, проведя все детство с ними, прекрасно слышал и разговоры про фей, да и воду матери Анны из ключа пил. Нет, ему нужны были факты для чего-то, но не для костра.

Послушно склонив голову, Анна снова подняла лицо с застывшей на губах покорной улыбкой.

– Это честь для нас, отец настоятель. Как я могу противиться тому, что дарует сам Господь?

– Вот и хорошо, – развел руками Норман, осторожно подхватывая ее под локоть, – помолитесь со мной, Анна?

– Конечно, отец настоятель, – выдохнула Анна, читая на автомате строки молитвы.

Но сами ее мысли в этот момент судорожно перебирали банки под половицей в поисках верного решения.

Из-за ливня, что стоял стеной, я даже не понял, где нахожусь. В первую секунду меня это испугало. Знающие люди в деревне говорили, что те, кто болен душой, часто не могут вспомнить, что делали минуту назад. Смахнув с лица влажные капли, я поплотнее прижал к себе жену, закутанную с головой в дорожный плащ. Она крупно дрожала, но твердо стояла на ногах, смело глядя вперед.

За шумом дождя скрывалась тишина. Это было странно, ведь обычно толпа всегда гудела от нетерпения. По крайней мере, я так думал. Раньше я никогда не присутствовал на казни.

Площадь была не то чтобы переполнена. Горожане и деревенские по большей части пришли на зрелище, а не из-за личности самой ведьмы. Они тихонько шептались, удовлетворяя свое любопытство. Кто-то просто проходил мимо и решил остаться, а теперь волновался, что не успеет в лавку пряностей до ее закрытия, хотя сам лавочник стоял неподалеку, лениво препираясь с помощницей. Кто-то боязно оглядывался, вжимая голову в плечи от каждого красного плаща, появившегося на горизонте. Каждый, в общем-то, ждал прямого действия.

Палач с помощниками суетились возле дров, пытаясь сохранить их в сухости, а я задумчиво посмотрел на небо. Может, этот ливень и неспроста? Неделю стояла ясная погода, до сегодняшнего дня. Так, может, все происходит неправильно?

Я не хотел быть здесь. В отличие от большинства присутствующих, я пришел не развлекаться. Я ждал чуда. И за это ощущение предвкушения неправильного, несправедного, не угодного Господу, мне хотелось провалиться под землю. Потому что я надеялся, что в последний момент она просто исчезнет. Избежит

чудовищного наказания.

Но я не имел права не явиться сюда. Не мог просто остаться в стороне. Не после того, что сделал с ней.

Сам воздух переменился вокруг, а небо переломила молния. Котта прилипла между лопаток, а я врос в землю, не в силах повернуть голову. Я лишь наблюдал, как, подобно стае гончих, учуявших добычу, люди синхронно вытянули шеи, разглядывая то, что происходило у меня за спиной. Несмотря на дождь было видно, как сверкают их глаза. Те, кто пониже, искали опору, на которую можно было взобраться. Дети же залезали друг другу на плечи, поочередно меняясь, а где-то в задних рядах даже завязалась потасовка. Я размышлял, зачем понадобилось вести ее через толпу – это же риск. Огромный риск, на которой пошла инквизиция, чтобы каждый получше мог разглядеть ведьму.

Лед сковал внутренности, когда кто-то справа от меня повис у меня на рукаве, вынуждая развернуться. Потому что я не мог больше делать вид, что меня просто здесь нет. Мой взгляд приклеился к босым стопам, что выглядывали из-под длинной серой робы. Запекшаяся кровь струйками осталась на грязных щиколотках, густо собравшись сразу под железными кандалами.

Похоже я отшатнулся, раз чьи-то руки вцепились в меня в попытках не допустить падения. Толпа взбесилась. Все сейчас напирало на меня так, что каким-то неведомым образом уже через секунду я стоял в первом ряду прямо на пути ведьмы. Чтобы избежать зрелища я уцепился за ее сопровождение.

Семь инквизиторов вели одну хрупкую девушку. Пальцы свело до болезненной судороги в руке. Да, они действительно устроили из этого представление. Слово мало было просто костра. В попытках найти поддержку, пытаюсь зацепиться хоть за что-то, чтобы убедить себя в правильности происходящего, я метался взглядом от одного инквизитора к другому, но ничего не мог найти под непроницаемой маской. В них не было ни торжества, ни святой веры. Они были похожи на безжизненные трупы, что просто шли вперед, как марионетки, движимые лишь умелыми пальцами кукловода.

Дыхание перехватило, как бывало после долгого утомительного бега. В этот момент, несмотря на то, что сознание билось в панике, я уставился в глаза

ведьме. Это было неподвластно мне – просто только так мог дышать в тот момент. Корчась в агонии вины и сходя с ума от бездействия, но дышать.

Она шла вперед уверенно. Расправив плечи, словно ее ноги и руки не сковывали кандалы, высоко подняв голову и смело глядя вперед. В изумрудных глазах плескалось безумие, что оттеняло фиолетовые гематомы на ее распухшем лице. На какое-то мгновение мне показалось, что у нее все под контролем. Оно длилось вечность, но я вдруг поймал себя на том, что улыбаюсь.

Пока она не споткнулась. Повиснув на миг натянувшихся цепях, она захрипела, утрачивая свое лицо, и забилась в панике. Один из инквизиторов свалился следом, а я дернулся вперед.

– Стой, блаженный! – шикнул какой-то крепкий мужик, железной хваткой вцепившись мне в плечо. – Тоже туда хочешь?

И я словно очнулся. Ведьму подняли на ноги, но она вела себя уже отнюдь не тихо. Истинная личина выбралась поверх избитого, но когда-то хорошо знакомого лица. Она сыпала проклятиями во все стороны, пока один инквизитор не впихнул ей в рот кляп, что вошел с треском ее зубов. Всклоченная, взбешенная, постаревшая на пару десятков лет, она шипела и плелась вперед и уже больше ничем не напоминала ту Анну, что я когда-то знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sof-ya-el_/ved-ma-iz-proshlogo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)